

Елена Сибирко

Чарующее Зазеркалье

16+

Елена Сибирко

Чарующее зазеркалье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65105137

SelfPub; 2021

Аннотация

Афэлла – гибнущая планета братской цивилизации. Чтобы спасти её, нужно пройти через испытания "Чарующего зазеркалья". Смогут ли герои противостоять его призракам или заблудятся в череде собственных сомнений и чувств?

Елена Сибирко

Чарующее зазеркалье

Глава I. Чарующее зазеркалье

Тысячи звезд, словно бусинки мелкого белоснежного бисера, вышили тёмное полотно ночи. Тысячи глаз устремили свои задумчивые взоры в черную, пугающую и завораживающую необъятность Вселенной. Где-то там затерялась средняя по величине и яркости звезда Солнце и наша маленькая старушка-Земля, а где-то на другой стороне неба в созвездии Большого Пса у самой яркой звезды Сириуса спряталась между спутниками и астероидами, наверное, самая прекрасная во Вселенной планета Афэлла. Нет, ни великолепие её долин и гор, рек и озер делали её такой прекрасной, ни люди, населяющие её, ни согласие и вечный мир, царящий здесь уже которое столетие, нет, всё это было субъективно, временно и недолговечно; Афэлла была прекрасна в своём начале, в своей задумке, и это прекрасное заполняло всё на планете благоговейным светом.

Вокруг Сириуса вращается 12 планет, которые некогда были частями одной целой великой потухшей звезды, прародительницы Сириуса. Звезда Емавада существовала миллионы световых лет, когда же она потухла, породив Сириус, здесь возникла жизнь. Легенды повествуют, что лучи двух звезд, умирающей и рождающейся, пересекаясь, материа-

лизовались, создавая всё во Вселенной. Впоследствии вид скрещивались, образуя разнообразие природы. Но так, или иначе, впервые жизнь зародилась здесь...

Я иду по просторам Афэллы с человеком, чье лицо мне не ведомо, и уже который раз слушаю его рассказ про жизнь во вселенной, и мне хочется слушать его вечно.

О, Боже, опять эти сны, странные сны в странном месте. И почему для обдумывания будущей свадьбы я выбрала именно его? Костик, конечно, крепкая опора на всю жизнь-красивый, богатый, преуспевающий бизнесмен, любит меня до беспамятства, завидный жених! Вот только я его не люблю... Ладно, пора вставать...

На стене часы пробили половину двенадцатого. Была одна из тех «воробьиных» ночей, когда Придонье не спало, а лишь притаилось, разнежилось в чарующей прохладе ночи. Сверчки трещали свою бесконечную песнь, и какое-то таинство скрывалось в этих беспокойных звуках природы.

Домик стоял в нескольких километрах от одного из малоизвестных поселков Воронежской области, и никто не знал о нём. В самом центре зарослей, сравнимых только с африканскими джунглями, была расчищена небольшая площадка, на которой помещался маленький синий домик с красной крышей, аккуратненькими окошками и причудливой, белоснежной, высокой изгородью, увитой виноградниками, а также несколько красивых клумб и сад. За всем этим великолепием в моё отсутствие следили старики, живущие неподалеку,

за скромную «добавку к пенсии».

Я встала, накинула сиреневый пеньюар, и вышла на крыльцо. Когда-то мой отец разыскал это место. Здесь никогда летом не бывает насекомых, а весной, несмотря на то, что Дон находится всего в паре шагов, разлив не затопляет полянку. «Золушкин дворец» – так он называл это место. Я о домике на берегу дома узнала только после того, как исчезли мои родители...

О, Боже, пожалей меня.

И опять память вновь уносит меня черт знает куда. Это словно воронка: засасывает меня всякий раз, когда я начинаю думать о чем-то, касающемся их...И понеслось...Всё хватит!

Я зашла в дом, подошла к зеркалу и не увидела в нём ничего нового. Русые волны моих волос, спускающиеся чуть ниже плеч, были слегка растрепаны, серо-голубые глаза на загорелой коже-как два оазиса, две лужи в пустыне. Нос, я бы не назвала супер-красивым, даже наоборот-он был какой-то неправильной формы, что, впрочем, добавляло лицу обаяния. Да, я была красива, красива именно той обычной русской красотой. И я никогда не стыдилась её. В то время, как мои подружки красили всё буквально, что можно было нарисовать на лице, выщипывали брови. Выводили веснушки, я только посмеивалась над ними.

Скоро полночь. За дело. Если сегодняшняя ночь даст те результаты, которые я от неё ожидаю, и в зеркале я увижу

Костика, я выйду за него замуж, не колеблясь. Я подошла к тумбочке. Напротив большого зеркала поставила маленькое, а между ними две свечи, как и полагается. Около окна меня на столике ждал скромный ужин, приготовленный стариками, сегодня они уже не придут-если бы они узнали, что я гадаю, наверняка бы, не одобрили.

Без пяти двенадцать зажигаю свечи:

–Суженый мой, ряженный, приди ко мне ужинать.»

На секунду я закрыла глаза – жутковато ведь, а когда открыла-увидела перед собой длинный коридор в зеркале. Он темнел и углублялся, и мне хотелось идти по нему в Зазеркалье. Я всматриваюсь в него. Никогда раньше, ни в детстве, ни в юности, я не видела своего суженного. У подружек получалось, некоторые даже замуж выходили за призрака в зеркале, а я никогда его не видела.

И вот мне показалось, что гладь зеркала потускнела, а свечи стали гореть не так ярко, а в глубине темного коридора я что-то вижу. Это определенно напоминало де ноги. Он спускался... Я уже четко видела тёмные брюки, белую рубашку, чернели локоны. Но черты лица я всё же не могла рассмотреть. Он, кажется, начинал поднимать голову и тут...

Сзади меня с оглушительным шумом что-то обрушивается на крышу. Я, ничего не понимая, повернулась и увидела, что стекла в окнах вылетели, над головой чернеет звездное небо, а на полу среди обломков крыши лежит что-то черно-белое. Я вскрикнула и отбежала. Оно шевельнулось. Моя

первая мысль: «О Господи, я же только что его видела в зеркале!»

Вторая мысль: «В зеркале?»

Третья мысль: «В зеркале!!!»

–Ты...это что...-заговорила я и тут же запнулась, – от туда, да? – я глуповато ткнула в небо.

–Да.

Тут уж последовал совсем глупый вопрос:

–Там холодно?

–Да.

–А что ты там делал?

–Да.

–Ты не знаешь ни одного слова, кроме «да»?

–Да.

Тут то, что свалилось с неба, точнее тот, по-моему он был очень даже ничего-подошел к моему столику, поднес руку к книгам, точнее над ними, из руки шел какой-то сиреневый свет, парень молчал.

Пока всё это происходило, ко мне постепенно возвращалось сознание. И меня пронзила одна внезапная мысль: «Я нахожусь неизвестно где, неизвестно с кем, и он свалился буквально на мою голову не известно откуда, и сейчас облучает не известно чем мою книгу.»

Через секунду я метнулась к столу с ужином, схватила нож и собралась уж было крикнуть что-то угрожающее, как вдруг властный голос отчетливо произнес:

– Вы находитесь Солнечной системе, на третьей планете Земля на материке Евразия, в государстве Рошійская –Российская.

–Российская Федерация-он назвал точные географические координаты. Я Максимилиан Буцентиорри с планеты Афэлла системы Сириуса созвездия Большого Пса. Книгу я не облучал, а изымал нужные мне сведения о языке и особенностям культуры. Ещё вопросы будут?

Он же причитал мои мысли!

В его голосе сквозило какое-то обаяние, и оно не могло не тронуть меня, но я все равно закричала:

–Стоять! Ты думаешь, что я совсем дурочка что ли? И поверю тебе? Ни с места!

– А у вас такой красивый сарафан цвета закатных зорь на Сириусе. А что под ним!

–Мерзавец! Ты бы ещё...О нет! Нет! Не надо! Я пошутила...

Он подошёл ко мне, легко и уверенно схватил за талию, да так, что дух захватило. Я выпустила из рук нож и на секунду не смогла поборот свои желания до такой степени он был притягателен для меня. Но лишь на секунду, потому что в следующее мгновение я уже вырвалась из объятий, подбежала к другому столику и схватила первое, что попало под руку-утюг!

– Не подходи!

Стоит ли говорить, что он не послушался? Моё положе-

ние было отчаянным: я знала, что в следующий раз не устою. Не знаю, никогда ещё меня так не тянуло к мужчине. Шаг, второй... И я что было силы ударила его утюгом по голове. Он упал.

– О нет, Господи. Я же убила его!

Я подбежал к ведру с водой, смочила полотенце и наложила на его голову. Мне стало жалко его. Такое юное и прекрасное лицо не может лишиться жизни так рано. У него были огромные карие глаза, густые брови, длинные ресницы, черные густые локоны, в лице сквозила мужественность и почему-то грусть.

И ту меня кольнула мысль: «Бежать! Далеко и долго. Об этом месте всё равно никто не знает.»

– Никуда бежать вам, красавица, не нужно. Лучше поцелуйте меня в лоб, и я окончательно оживу и окрепну, – заявил его, как всегда, уверенный голос.

Я онемела. От такого удара любой «шкаф» как минимум потерял бы сознание. Что же он, из железа?

– Во-первых, я не шкаф. А во-вторых чтобы избавиться от меня одного утюга вам будет не достаточно.

Он что читает мои мысли?

– Да, но вскоре я приспособлюсь у земной атмосфере и, возможно, утрачу эту способность.

Я по-прежнему молчала, но мысли мои летели со скоростью света: «Он меня обманывает. Но он красив. Но мысли он действительно читает. Откуда он взялся? Только не гово-

рите мне, что он инопланетянин! Но он красив.»

– Эй-эй-эй помедленнее. Не успеваю.

– Значит так, – ко мне вернулся дар речи, – сейчас ты садишься вон в то кресло, – я указала на противоположный конец комнаты, – и мы всё спокойно обсудим.

Он сел.

– Я буду называть тебя Максом.

– Как пожелаете.

– Странно всё-таки выходит. Вначале мы говорили на «ты», потом перешли на «вы». Для отчетности, меня зовут...

– Елена. Ах, да, вы же читаете мысли!

– Лучше на «ты».

– Ладно. Ты сваливаешься ко мне на голову...

– На крышу.

– Не перебивай, ломаешь мне крышу, начинаешь что-то говорить про Солнечную систему, целуешь меня, притворяешься раненным...

– Но ударяешь меня по голове ты.

– Не перебивай, теперь ещё обвиняешь меня. И всё в порядке вещей?

– Да, всё нормально, – притворно согласился он.

– Ненормально! С самого начала и до конца! Как ты узнал про это место? Старики проболтались? Как ты проломил крышу? Как тебе удаётся читать мои мысли так быстро? Даже телепат не может этого! О господи, мне это снится. Да снится, и все нормально.

– Во-первых, я прилетел с планеты Афэлла, как я уже говорил...

–Я слушаю тебя только потому, что хочу досмотреть сон. Будем считать, что я тебе верю. И где же твой космический корабль?

–Его нет. Космические корабли-это всё выдумки. И НЛО тоже. Разумное существо способно передвигаться по Вселенной посредством разума.

–Что? Ну клево. А знаешь, во сне тоже бывает страшно. Вдруг ты меня сейчас убьешь? Ведь я же тебя совершенно не знаю, нахожусь неизвестно где в лесу. И самое ужасное, что у меня такое ощущение, что всё это происходит по правде.

–Лена, во-первых насчёт нашего местоположения мы уже с тобой говорили. Во-вторых, с тобой мы познакомились. В третьих я тебе пока не давал повода сомневаться в своей честности.

–Ничего себе не давал! А тот поцелуй, помнишь?

–Я это сделал, чтобы разрядить обстановку.

–Хорошенькая разрядка!

–И не заставляй меня это делать ещё раз. Ты же не веришь, что это сон.

–Ах, да, Мистер Всезнайка, я забыла, что вы читаете мои мысли.

–Что мне сделать, чтобы ты мне поверила? Лена, мне очень нужна твоя помощь, потому что на земле я впервые и не знаю нравов и обычаев людей.

—Что тебе сделать? Ладно, я отвечу. Выйти вон из дома также, как ты и вошел-через крышу.

—Ты прогоняешь свою судьбу. Помнишь, в зеркале ты же видела меня.

—Оптический обман.

—Меня послала к тебе мать, королева Афэллы Юнона. Ты обязана мне помочь.

—Ни слова больше. Я тебе не верю.

Он замолчал и опустил голову. Мне опять стало его жаль. Черные локоны упали на его лицо. Нет, если я сейчас сдамся, то не смогу уже выстоять никогда. Голос его зазвучал неожиданно, впрочем, как всегда.

—Я знаю, где твой отец. Я помогу тебе его разыскать, если ты поможешь мне.

—Откуда ты знаешь про него? Я же не думала... Мои родители умерли, давно умерли...

—Ты знаешь, что это не так. Что же тогда значат твои сны?

—Он на Афэлле?

—Он пленник. Хочешь поговорить с ними?

—Это точно не сон?

Максимилиан замолчал и сосредоточился. Казалось-каждый мускул на его теле напрягся. Он направил руки к двери, и я ясно увидела тот же сиреневый свет, которым он облучал книгу. Дверь открылась и вошли мои родители, но они как-то странно мерцали, светились, были как бы в нежно сиреновом облачке.

–Мама?!

–Дочь, я не могу рассказать тебе всего, – заговорила она, – только прошу тебя об одном, верь Максиму.

–Я был не только преуспевающим бизнесменом, но и ученым, как ты помнишь, серьезным ученым в области астрономии и астрофизики. Я изучал не только звездное небо, но и науки, известные лишь нашим предкам. Античные знания открылись мне в какой-то части, но оно же и пленило меня.

–Давайте побыстрее, – почти прорычал Макс.

Я слушала, и я верила им, и Максимилиану, и снам, и зеркалу. Внезапно я остро ощутила, что всё это по-настоящему. И первой реакцией было то, что я бросилась их обнимать со слезами на глазах.

–Мама, мамочка. Я так скучала...я не могу без вас.

–Найди мою тайную библиотеку, и ты все поймешь.

–Но как? Какая библиотека? Где?

–Карта в моем сердце в городе пяти вершин. Верь Максимилиану, он наш друг.

– Я люблю тебя, дочка. Запо...

И в моих объятьях остался только сиреневый свет.

–Что? Что запомнить?

Я повернулась к своему гостю.

– Где они? Что ты с ними сделал?

–Скорее что ты со мной сделала?

Теперь я даже не могу передать средненькое голографическое изображение.

–Так это голограмма? Гипноз?

–Ни в коем случае. Просто твой уют оказался слишком тяжелым. Боюсь, что теперь я не смогу не только голограммы передавать, но и перемещаться в пространстве, поэтому, наверное, к нашему конечному пункту назначения нам придётся добираться гораздо дольше.

–Что-то не поняла. Конечный пункт назначения?

–Ну да. Только не говори, что ты до сих пор не веришь мне. Я же умею читать мысли, не забыла?

Я отвернулась к окну и замолчала. В окно врвалась все та же мимолетная, но так надолго растянувшаяся ночь. Сколько всего произошло! Склонная от природы к анализу, я определила для себя три вещи: во-первых, всё это не сон, потому что никакое буйное воображение не способно на такое представление, да и вообще слишком многие вещи действительно совпадали. Во-вторых, я ему верю и верила с самого начала, и не намерена этого скрывать. В-третьих, никакой свадьбы с Константином не будет, вот только не знаю, как ему это сказать, мы ведь встречались три с половиной года.

–Об этом, прошу не беспокойся, – произнёс Макс, – сейчас всё устроим.

–Скажи, ты всегда будешь читать мои мысли?

–Нет, это возможно только при прямом контакте и расстоянии не более десяти метров.

–Ладно, – я улыбнулась.

–Итак...

И опять из его рук пошел тот же приятный, мягкий, сиреневый свет. Я увидела на стене синеглазого блондина Костика. Да уж, этот великан всегда добивается того, чего хочет. Я знала таких людей, я ему надоем, он будет прекрасным семьянином, но и налево будет захаживать довольно часто. Что меня ждет рядом с ним? Обеспеченная спокойная жизнь, дети, семья... Долго ли выдержку?

–Доверься мне, – сказал Максимилиан, – он не твоя судьба, не то, что тебе нужно. И пожалуйста говори ему всё, что хочешь, только побыстрее. Это вроде видеокамеры. Он будет видеть тебя и слышать.

–Костик, – он обернулся и с удивлением посмотрел на стену, – мне нужно с тобой поговорить.

–Что такое? Лена, это ты? Где же ты пропадаешь?

–Нет времени объяснять. Я хочу сказать, что не выйду за тебя замуж.

Я было начала объяснять, что такая семья не для меня, да и в его жизни работа важнее, чем я, но он мне не поверил и сказал, чтобы я не придумывала лишнего.

–Лена, я люблю тебя, очень люблю. Скажи мне только честно, что тебе мешает выйти за меня? Отец? Прошрое? Мы это решим

Я поняла, что правду он не поймёт и не примет. Нужно было что-то делать.

–Ну ладно. Ты хочет правду...

Я подошла к Максусу, села на колени и поцеловала его.

– Не очень нравится? Извини.

– Извини и ты меня, – сказал Костик, – Ольга, иди сюда.

Из душа вышла полуголая девушка в одном полотенце, черные локоны скрыли её лицо, но потом я поняла, то это она-моя лучшая и единственная подруга.

Я не стала кричать и рвать на себе волосы, лишь тихо прошептала:

– Не может быть.

Экран Максимилиана исчезал, скрывая с собой то, чем они начали заниматься. Я молчала, не зная, верить этому, или нет, и что теперь делать.

– Пойдём со мной, – тихо сказал Максимилиан.

– Куда? Зачем?

– Ты должна думать об отце.

Молчание.

– Космический корабль ждёт нас.

Я удивленно вскинула бровь, зная, что если сейчас он прочтёт мои мысли, то сам ответит.

– Королева Юнона прислала мне передвижную космическую лабораторию.

Сил для сопротивления не было. Он обнял меня и повел за собой куда-то в новый мир, в новую жизнь. А над Придоном занимался юный рассвет.

Глава II. Братская цивилизация

В тот самый момент, когда наши герои вышли из маленького домика, где Елена удачно скрывалась добрые две недели, лишь иногда давая знать окружающему миру, что она жива, в доме Константина Александровича творилось что-то необъяснимое. Он швырял всё подряд, кричал, даже пытался ударить Ольгу, но та не позволила.

—Я мужчина, и мне можно изменять, а ей нет. Ты знала что-нибудь об этом?

—Нет. Я же давала тебе читать все её сообщения. Любимый, может, нам плюнуть на всё. Ты же знал, что она тебя не любит, и никогда не любила. Давай лучше воспользуемся обстоятельствами и уедем в медовый месяц, или поженимся?

—Что? Да ты же для меня всего лишь любовница. Ты что не понимаешь, что я люблю её, люблю всем сердцем, всей душой. Эта змея-идеальная женщина, и я никогда не найду ей замены

—Однако, телом ты любишь меня, не так ли? И, послушай ты, грубиян, я не позволю тебе оскорблять себя.

— Да таких, как вы, Олечка, у меня пруд пруди, а Лена одна, одна на всем белом свете.

Ольга подбежала к нему и со всего размаха влепила пощечину.

—Ты мне больше не нужен, подлец.

Захлебываясь слезами, она убежал из этой шикарной спальни в одной ночнушке, да ито порванной во время сегодняшней страстной ночи.

–Ольга, стой! Если ты сейчас уйдёшь, у нас не будет ничего больше никогда.

Она остановилась. Да и что оставалось делать бедной девушке, если она любила этого дурака, как он сам выразился «всем сердцем, всей душой до гроба». Любовный треугольник, как ни прискорбно, разрушает судьбы людей и в наш век. Она села у двери и плакала, плакала без конца и без края, и он, казалось, сжалился, успокоился.

–Ну хватит...Ну не плачь, малыш. Мы найдём твою подругу и мою невесту, и заживем по-старому. Ведь тайная любовь ещё прекраснее законной...Ну я погорячился...Не плачь, Олечка, прости меня.

Но она плакала, с каждым его словом всё больше. Возможно, как плакала её подруга в объятьях Максима где-то там в придонской глуши.

Максимилиан принес Елену на руках из разгромленного домика ещё более странное сооружение. Оно было выстроенно в виде зеркального купола без всяких этих инопланетных штучек, хотя очень даже прилично маскировался в лесной чаще. Елена не могла идти, не могла сопротивляться, играть в гнев, или раздражение, она будто очнулась и стала сама собой впервые за пять лет после исчезновения родителей, и впервые она так плакала безутешно, безостановочно, бессознательно.

– Ты знаешь, – начал Максим без жалости в голосе, – твои слёзы не из-за горечи, ты же не любила Костика, ведь так?

Она кивнула.

– Тебе жаль прошлой жизни, спокойствия, благополучия, но твои родители это пережили, и ты должна, обязана это сделать. Ты плачешь ещё и от того, что долго была куклой, а теперь очнулась. И что же в этом плохого? Иди ко мне.

Максимилиан обнял её и говорил-говорил ещё что-то пока она не уснула. Когда же это произошло, он встал, торопливо прошелся по комнатам. Здесь всё дышало роскошью. Зеркальный паркет был устлан персидскими коврами, на золотых стояли огромные букеты чайных и алых роз по два в каждой комнате, маленькие столики, роскошные, мягкие диваны, современная аппаратура, шкафчики из черного и красного дерева и всюду зеркала-зеркала-это лишь некоторые детали удивительного интерьера комнат. Сама Юнона выбирала мебель для лаборатории сына. Максимилиан убедился, что Елена спит и наконец нажал кнопку. Моментально все зеркала, кроме одного большого, были закрыты тяжелыми бархатными шторами, в оставшемся смутно начало появляться отражение молодой женщины. Когда оно прояснилось, Макс быстро и сердито начал говорить:

– Мама! Наконец-то. Почему ты не выходила на связь раньше? Скажи мне только одно: это она? Действительно она? Юнона, ты не говорила, что она дочь профессора.

– Филипп, у меня тут, между прочим, освободительная война, а не бал.

– Мама, мама, ты опять! Я Максимилиан, а твой старший

сын погиб в зазеркалье.

–Нет! Не говори так о брате. Мы освободим его.

– Мама, очнись, вы все пленники.

Она смутилась.

–Покажи мне её!

– Елена спит.

Максимилиан отошел от зеркала, и мать начала рассматривать девушку.

–Неужели это она? Неужели в душе этой красавицы столько сил, воли, чтобы спасти Афэллу? – чуть помедлив, он заговорил опять. – А у неё действительно сильный характер, как и описывал её Павел. Кстати они уже встречались?

–Да. Лена говорила с родителями, но я не позволил им рассказать дочери всю правду. Она не вынесла бы этого. Не сейчас.

– Ты должен был рассказать. И ещё. Что-то ты мне не нравишься. Этот блеск в глазах, никому не нужная горячность и задумчивость. Сынок, не влюбился в неё случайно?

–Нет, нет, мама, что похож на сумасшедшего?

–Вообще-то да. Максимилиан, ты что не понимаешь, как это опасно?!

–Юнона, не говорите глупостей.

–Ну точно. Все симптомы налицо. Диагноз-любовь. И болезнь прогрессирует. Ты должен излечиться, забыть её. Должен, слышишь? Я не хочу, чтобы тебя постигла участь Филиппа. Максимилиан-ты наследник престола, не бросай ме-

ня, умоляю.

– Филипп любил Агнессу, а я не люблю Елену.

– Ты не знаешь, что говоришь. Я не могу вас разлучить, находясь в плену в зазеркалье. Но если бы даже я была бы свободна, невозможно погасить этот огонь. Неужели все мои дети должны погибнуть от него?

– Мама, не кричи, она, кажется, проснулась. До свидания. Как там у вас на фронте?

– Мои отряды терпят поражения. Нам нужна она, лишь она сможет открыть врата зазеркалья. До свидания, сын. Запомни мои слова: ты не можешь любить, нельзя. Забудь её.

Где это я? Какие странные сны... или не сны? Мне нужен кофе.

– Вам с сахаром, или без? – с улыбкой произнес Макс. Подсаживаясь ко мне поближе

– Значит, это был не сон! Максим?

Было видно, что он колебался, вероятно, вспомнив слова матери, но потом уверенно наклонился и поцеловал меня, нежно и робко, совсем не так, как первый раз. Я не сопротивлялась, упиваясь каким-то неведомым доселе чувством абсолютной свободы и радости. Однако, когда поцелуй закончился, я состроила недовольную гримасу и заявила:

– Ты меня всегда будешь приводить в сознание таким способом?

– А тебе не нравится?

И опять он как будто делал мне вызов. Я никак не мог-

ла распознать его отношения ко мне: то он был удивительно нежен и искренен, то надменен и как будто даже груб. Но мне так нравятся загадки!

– Ух ты! Какой домик! Какая роскошь! Можно мне осмотреться?

– Конечно, а я пока что займусь делами.

– Какими?

– Расскажу тебе чуть позже, – сказал он с таинственной улыбкой на губах. И казалось, взгляд Максимилиана задержался на мне чуть дольше, чем следовало. Когда я ушла, он ещё минуту помедлил, а потом встал и решительно сказал, обращаясь к самому себе:

– Нет, мать не права. Филипп погиб не от любви к земной женщины, а от слабости воли и души. Они не были готовы. У нас с Еленой все будет по-другому. Если я её полюблю, мы не станем пленниками. Кстати ей нужно подыскать платье.

Я не слышала его слов.

– Лена, чувствуй себя, как дома, потому что дома мы будем не так уж долго.

Вопросительный взгляд.

– А разве мы не собирались в Пятигорск?

– А с чего ты взял, что я с тобой куда-то поеду?

– Потому что, во-первых, ты не можешь мне отказать. А во-вторых, ты ищешь родителей, не так ли?

– Максим, – сказала я, подходя ближе, – ты мне так и не рассказал, почему ты прилетел на землю и почему тебе нуж-

на я? Только не говори «я расскажу тебе чуть позже».

—А у тебя неплохо получается читать мысли.

—Максим, не увиливай, ты не доверяешь мне? Однажды я уже пошла за тобой, ничего не зная, и не думай, пожалуйста, что я сделаю это опять.

Он колебался. Я смотрела на него с надеждой, но не видела даже тени согласия на его лице.

—Ок, я ухожу.

—Куда? Ты жила с Ольгой, но ведь вернуться туда ты не сможешь. К Костику тоже. Ты же бросила прежнюю жизнь!

—Я найду, куда податься. Об этом не беспокойся. — Я была полна решимости. Если он мне не верит, значит я тоже не могу ему верить. Оглянувшись, я нашла выход и направилась к нему.

—Лена, стой, — он подошел ко мне, дотронулся до пеньюара и сказал, снова насмехаясь-ну не в этом же идти на улицу?

Я уж было хотела вырваться, как вдруг увидела в его карих глазах золотые искорки-«он расскажет»-мелькнуло у меня в голове, и расскажет правду, какой бы она ни была. Макс подвел меня к одному из зеркал-стен, нажал на кнопочку, и оно странным образом отодвинулось, будто открывая за собой небольшой шкафчик из красного дерева. Открыв его, я увидела десятка два различных женских платьев. По моему лицу пробежала тень.

—Это платья твоей подружки. Не знала, что ты живешь здесь с кем-то..

–Лена, перестань, ты что ревнуешь?

–Вовсе нет. Но я думала...

– Моя мать послала меня к тебе, и она не могла забыть про наряды. Выбирай.

–Мне всё равно что надевать.

–Ладно, я сам выберу, – он прошёлся вдоль стройного ряда платьев, остановился и сказал, – вот это.

Мгновенно, как по мановению ока короткое зеленое платье прямого покроя уж не знаю из какого материала оказалось на мне. А к нему такая маленькая шляпка. И туфли на высокой шпильке такого же зеленого цвета.

– Как ты это сделал?

–Сила мысли огромна. Расскажу тебе, – вдруг решительно сказал он, – только не знаю, с чего начать, давай присядем.

Мы сели на мягкий розовый диван. Он заговорил не сразу, негромко, неторопливо.

–Про создание Афэллы и появление жизни тебе рассказали сны. Но ты не знаешь, что у Емавады был спутник-планета Аринус. Цивилизация на ней достигла рассвета, но в то же время она была уже на той неведомой черте добра и зла, жизни и смерти, счастья и горя, на черте заката. И люди, да люди преступили её. Емавада гасла миллионы лет, рождая Сириус, но она могла остаться жить, люди могли спасти свою звезду любовью, но не сделали этого.

Два ученых, ваш прародитель Адам и наш Ивим изучали в это время зеркало. Они открыли способность живого су-

щества, точнее живой материи перемещаться во времени и пространстве посредством мысли и воли, а также через зеркало.

–Как это?

–Представь себе, что зеркала сделаны из песка, серебра и свинца, расплавленных при высокой температуре. Но вдумайся в три этих символа. Песок-это время, бесконечное и всемогуще, серебро-это порок, но в то же время совершенство, свинец-это война, это зло. Если прибавить к этому то, что зеркала созданы с помощью веществ, дающих жизнь-огня и воды, то получается формула, сравнимая с ужасающей формулой Альберта Эйнштейна. Формула, с помощью которой Адам и Ивим спаслись, улетели с взрывающейся планеты. Дело в том, что уменьшение световой активности Емавады парализовало все космические корабли Аринуса, работающие на энергии звезды, и люди оказались бессильны перед грозящей им смертью. Их звезда остывала, отчаяние захватило людей, они сделались злыми, начались непрерывные войны, апокалипсисы, планета не выдержала этого безумия, она взорвалась, распалась на миллионы мельчайших частиц, ни одна из которых не могла более образовать планету, не могли породить зло. Наши предки, которые оказались братьями по разуму, прошли сквозь зеркало, и вместе со своими женами оказались на планетах, о которых они могли только мечтать. Адам, Ева и Каин...

–Каин?

– Да, у Адама и Евы уже был сын. Каин был отравлен злом Аринуса, когда улетал с Аринуса на землю. А Ивим и Юона предпочли Афэллу. С тех пор братья не виделись 333 года, они жили в счастье, когда зарождали жизнь на своих планетах, расселили животных, птиц и растения, созданные Сириусом и Емавадой, но пришёл день, когда Адам захотел увидеть брата Ивима, он хотел пройти через зеркала, переместившись с Земли на Афэллу. Ева и Адам знали, что их зеркало может быть отравлено злом Аринуса, знали, что последствия этого перелета могут быть непредсказуемы, но они сделали свой выбор. Когда ваши прародители улетели, Каин убил Авеля, тем самым нарушив счастье и гармонию Вселенной, его первого в новом мире поглотило зазеркалье. а потом он открыл проход из этого зеркала, через которое они спаслись, точнее из зазеркалья на Афэллу... Царство теней пленило всех жителей Афэллы, вместо них выпустив на планету монстров в человеческом обличье. Моя мать, королева Афэллы ведет повстанческую войну с ними, но для победы нужен кристалл, имеющий 333 грани, зеркало и женщина с Земли.

– Ты хочешь сказать, что это я?

– Есть ещё кое-что. Мой старший брат Филипп полюбил женщину с земли, Агнессу. 300 лет назад они уже пробовали освободить Афэллу. Филипп был слаб. Зазеркалье забрало их души. Они погибли.

– Максимилиан, мне очень жаль.

– Да нет, ничего, я уже привык.

–И ещё что не могу понять, почему же ты остался жив, когда вся планета стала планетой теней?

Он замолчал, встал, прошелся по зеркальной комнате и заговорил тише, ещё суше:

– Королевская семья и ещё несколько верных слуг были на спутнике Афэллы во время «Великого нашествия». Отец обманул нас, сказав, что мы едем на осмотр нового месторождения кристаллического сырья, и в момент взрыва мы не были с нашим народом, мы предали его... Этим предательством последовало другое. Адам принес в жертву Зазеркалью своего брата, чтобы вернуться на Землю.

Потеряв любимого мужа, моя мать решилась всё-таки на то, чего так боялся Ивим, она шагнула в Царство теней, чтобы освободить свой народ. Мой отец надеялся, что на место старой цивилизации мы сможем построить новую, но Юнона не послушалась его. Мы с Филиппом и Юлианой (это моя сестра) должны были продолжить борьбу снаружи, пройдя трижды три испытания на Земле с избранными этой планеты.

И Филипп, казалось, нашёл выход, мы почти достигли цели, но... Властелин Зазеркалья прислал моему брату образ прекрасной Агнессы. Они любили друг друга с детства. Ради неё Филипп открыл проход вновь. Если бы они были оба к этому готовы, если бы их любовь была идеальной, они бы освободили наш народ.

Царство теней поглотило их. А потом и Юлию-Властелин женился на ней, отравил её душу злобой и ненависть. Теперь королева Афэллы – расчётливая, коварная женщина. От её красоты ничего не осталось. Мать говорит, что Юлиану можно ещё спасти, но я думаю, что ей не нужно спасение.

–Почему же? Максимилиан, я верю в тебя, я пойду за тобой, куда хочешь, буду сражаться против кого-угодно. Мой отец не знал, но я постоянно изучала все его книги, его труды. Была почти близка, но чего-то не хватало, и я знаю, что это что-то находится в Пятигорске. Я не понимала смысла его деятельности, его жизни. Да, может быть, странно верить тебе, но я тебе верю, я тебя...-я не закончила фразу, потому что ужаснулась своей мысли. Он посмотрел на меня так холодно, что у меня сжалось сердце:

–Говоришь, что любишь? Юлиана любила меня, но это не остановило её от приказа об убийстве во что б то ни стало наследника Афэллы. Мать тоже любила меня, Филипп, отец-все они ушли в царство теней. У меня осталось всего несколько верных слуг, освободившихся из плена силой своего духа, и твой отец, но и они сгинули во имя победы. Все, кто меня любил, предали. И ты теперь тоже говоришь, что любишь? Я один во Вселенной и не понимаю, зачем мне жить?

–Не говори так. У тебя есть я, а это уже кое-что. Я буду тебе другом, а про любовь я сказала в порыве эмоций, не обращай внимания.

Он посмотрел мне прямо в глаза и словно из-под ресниц потянулись ростки нежности, он заглянул мне прямо в душу. А потом без слов притянул к себе и поцеловал нежно, целомудренно, требовательно.

Я не сопротивлялась, но вдруг он отпустил меня и с ужасом прошептал:

– Да ты совсем ребенок. Права была мама. Лена, я не могу, я не должен погубить тебя. Мы поедем завтра на поезде. На лаборатории путешествовать слишком опасно. Я переправлю её. Ты можешь дать точные координаты, или адрес библиотеки отца?

Впервые после поцелуя он посмотрел на меня. Но я к этому времени уже совсем оправилась и смогла убедительно кивнуть.

– Отлично. Пока ты отдыхала я изучил практически все о твоей стране (извини, я был уверен, что ты окажешься китайкой). Завтра нам предстоит тяжелый путь в Пятигорск.

Я молчала.

– А пока давай отдохнем. Уже светает, целый день прошёл. Елена, ещё раз извините меня за все. Этого больше не повторится.

– Д, конечно.

Но это повторилось снова.

Глава III. Путешествие

– Странный, однако же, ты выбрал способ передвижения.

Мы хотя бы в ту сторону едем? – спросила я, чтобы разрядить обстановку. С того утра мы почти не разговаривали, мы отделились. И теперь, сидя в обыкновенном плацкартном вагоне, я думала лишь о том, как бы начать разговор, нарушить это тяжелое молчание, повисшее между нами, разделяющее нас.

–Мы едем на Кавказ и остановимся недалеко от Минеральных вод. Извиняйте, что всего лишь почтово-багажный поезд, и места не самые лучшие, но лучше не привлекать внимания. Зазеркалье хочет избавиться от нас, и, поверь мне на слово, сделать это очень просто.

–Да, но мы же целую неделю торчали в Воронеже без цели, разве не для того, чтобы запутать следы?

–Ошибаетесь, Елена Павловна. Мы ждали, когда начнётся период солнечной активности и влияние королевства теней ослабнет для того, чтобы мы могли беспрепятственно доехать до мест назначения.

–И от самолета мы отказались, потому что ты боишься, что воздушная стихия защитит нас от зазеркалья хуже, чем земная. Я читала об этом в рукописях отца.

Мы ехали уже 10 минут, и ничто, казалось, не предвещало опасности, как вдруг какой-то непонятный звук вначале заставил нас приостановить столь милую беседу, а потом и вообще забыть о всех этих глупостях.

Непонятный звук, как оказалось, был всего лишь дождем, и через несколько секунд после его начала в нашем вагоне

стала протекать крыша. За считанные секунды дождь перерос в ливень, нам пришлось спастись бегством из тонущего купе.

– Я забыл тебе сказать, – усмехнулся Макс, – цикл солнечной активности завтра, а пока что мы в их власти. Доживем до понедельника, как говорится.

Мы пересели на другое место, а бедные несчастные проводники начали высвобождать наше купе от воды.

– Аленка, подождёшь меня, я сейчас.

Я беспокойно посмотрела на него.

– Не беспокойся. Только осмотреть поезд. Я же впервые на нём еду.

– Конечно-конечно, – поспешила я исправиться. – Совсем об этом не подумала.

Максимилиан ушёл, а я в это время попыталась устроиться поудобнее. Но не тут-то было. Зазвонил мобильник:

– Алло.

– Лена, это ты? – знакомый хриловатый голос Костика оживленно и быстро заговорил.

– Лена, как хорошо, что это ты. Я уже всех на уши поднял, не мог найти тебя.

– Не сомневаюсь.

– Да брось, неужели ты ещё обижаешься на меня? Ну поразвлеклись перед свадьбой, ведь ты же мне тоже изменила. Что было-то прошло. Забыли.

– Никакой свадьбы не будет. У меня есть дела поважнее.

–Этот парень, да? Оборванец. Кто он, законопослушный местный житель-пастух, или тракторист?

–Перестань, Костик. Это моя большая любовь, можно сказать, вселенская.

–Да? А передо мной недотрогу строила, но это я тебе прощу тоже. Лена, возвращайся ко мне, прошу.

–Я не люблю тебя.

–Но я тебя люблю, не понимаешь? Ты-моя женщина, всегда была и будешь моей. Даже если мне придётся воспользоваться силой.

–Я не боюсь тебя.

–Я убью тебя и твоего любовника. Алло?.. Черт!

Я повесила трубку: «Любовник. Максимилиан – мой любовник. Если бы... Нет ведь все нужно было испортить.»

Я подумала о нём, и в сердце моем родилась удивительная нежность, которой я не знала раньше, и чувства и мысли мои затрепетали, а где-то под ложечкой закололо, заболело. Да, он мне нравился, да, я его жалела и желала, да-это был идеал моего мужчины, но обстоятельства, так неожиданно сведшие нас, также неожиданно и разделяли меня с ним. Но пока длится эта сказка, это невероятная история, случившаяся со мной, полная жизни, которой мне так не хватало, я буду с ним. И всё-таки неужели на всей земле не нашлось мужчины для меня, обязательно им должен был стать человек с Афэллы?

– Плохие новости, -начал Максимилиан, – в этом поезде

везут заключенных.

– Где именно?

– В соседнем вагоне.

– Ну и что?

– Да так...

Душами согрешивших людей Зазеркалье могло управлять, более того. Если человеческий дух слаб, оно могло сделать его своим рабом, своим воином. За неделю, проведенную в Воронеже, я перечитала отцовские книги, точнее те, которые находились в разрушенном домике. Они были написаны в большинстве своем на смеси латинского с греческим, но, пропустив их через компьютер, я получила перевод его трудов.

– Лена, хочу ещё тебе кое-что сказать. Что бы ни случилось, никто не должен знать, что я с другой планеты, – он говорил очень серьезно, отчего казался мне ещё красивее, – если меня ранят я ужаснулась этой мысли)-никакие лекарства мне не помогут-то может только это, и я хочу, чтобы оно никогда не оставляла нас, тебя.

Максимилиан снял со своей шеи медальон на светящейся цепочке и передал его мне. Гладкая поверхность диска была исчерчена странными знаками-как я подозреваю на том же языке, что и книги отца. Я интуитивно дотронулась до небольшого солнышка середине круглого медальона, и он открылся.

Внутри я нашла миниатюрный портрет красивой молодой

женщины-его матери с какими-то иероглифами внизу.

– Что здесь написано?

Максимилиан поколебался, но потом всё же уверенно посмотрел мне в глаза и сказал:

– Здесь написано «правителю Афэллы».

– Но, но... ты же не хочешь сказать?

– Да, я могу погибнуть и тогда бороться будешь ты. Ты станешь королевой Афэллы.

– Максимилиан, я не... -я не успела закончить, потому что он закрыл мои губы своим поцелуем, жарким и пламенным. Я почувствовала, что все эти дни он, так же, как и я, пытался побороть себя, скрыть страсть. Я поняла и то, что он очень боялся за меня, подозревал, что я не смогу отказать ему, а этот медальон, его подарок, никогда не сниму со своей шеи. Так по крайней мере Макс будет всегда со мной.

Мы помирились с ним, опять начали весело болтать и шутить... как оказалось, ненадолго.

Бедка пришла неожиданно. Однотонный шум поезда начал убаюкивать, укачивать меня, но не успела душа моя перенестись в волшебный мир сновидений, как послышались два странных звука недалеко от нас. Я сначала не обратила на них внимания, но внезапно услышала их совсем близко. Это были выстрелы. Меня кто-то резко рванул за руку, заставив окончательно проснуться.

– Максимилиан? – Но его не было нигде рядом.

– Кто это?

– Попалась птичка.

Я увидела совсем близко лысую голову, злые маленькие глаза и беззубый рот. Память мгновенно подсказала недавний разговор про заключенных. Без сомнения это были они.

– Максимилиан! – глупо произнес беззубый рот, – какое имя! Ну просто романы писать. Где твой дружок, крошка?

– Отпустите меня.

– Как бы не так, птичка запорхнула в клетку.

– Я ваша заложница?

– Какие м умные, а как говорим... Ладно, хватит сюсюкаться. Джим, займись этой куколкой, мы с ребятами пойдём дальше. Да смотри, поосторожнее с ней, она нам ещё пригодится.

Толстый коренастый мужчина подошел ко мне, схватил руку и начал быстро их связывать. А в это время их командир обратился к пассажирам:

– Каждый, кто посмеет пошевелиться без разрешения, или не послушается моих ребят (с Джимом было ещё трое) будет убит на месте. Все поняли? Нам надоело сидеть в тюрьме- и всего-то! Жертв не хотим. Милиция вас не спасет, они ликвидированы. – Он говорил с некоторой долей уличных словечек, дословно его речь я передать не могу, но общий смысл был ясен.

Я плохо соображала. В вагоне установилась почти тишина, которую нарушали только уголовники-они обыскивали сумки в надежде наградить побольше.

Вдруг в вагон вошел Максимилиан:

– О, ребята, вас не видел, – обратился он к захватчикам – куда едем?

Заклученные были несколько сбиты с толку его появлением.

– Что это вы связали мою девушку?

Максимилиан присел и посмотрел в глаза Джим, который продолжал удерживать меня.

И опять слабый сиреневый свет из его глаз!

– Отпусти её!

Зек повиновался и развязал мне руки.

– Ну мы, наверное, пойдём, да?

Зек кивнул.

Яс удивлением последовала за Максом, но в это мгновение в вагон ворвался главарь мятежа заключенных. Он не стал предупреждать и выстрелил в Максимилиана. Но мой спаситель не упал, а лишь сильнее рванул мою руку. Мы выбежали из вагона. В одну секунду дверь была открыта, во вторую он посмотрел на меня решительно, а в третью мы спрыгнули вместе на землю.

– Боже мой! Максимилиан, милый, что с тобой? У тебя кровью

Он не отвечал.

– Что же это такое! Ты не можешь умереть, ведь я же люблю тебя!

– Такое может оживить кого угодно, – раскрывая свои чу-

десные глаза, – только никогда-никогда не говорите этого мужчине, иначе он может... – и мой герой опять меня поцеловал, но в этот раз я ему ответила, да так, что сама от себя не ожидала такого.

Был вечер где-то в Ростовской области, а может, уже в Краснодарском крае, где сумерки, особенно поздние, пахнут яблоками, сливами и хлебом. Мы с ним оказались в небольшой посадке, окруженной бескрайними полями, и ни деревни, ни трассы нигде не было видно. Словно на краю света.

– Страшновато, да? Неизвестно где в огромном враждебном и всё-таки прекрасном мире. В необъятной дикой природе, одни.

– Ты любишь её?

– Кого?

– Свою страну, свою природу, свою Землю?

– Да. Ведь в мире нет ничего прекраснее.

Наступала ночь, солнце уже почти село, почти погасило свои последние лучи, пламя небес становилось всё бледнее. Сверчки встретили новую ночь дружным треском. – Романтика!

Я была очарована всем этим великолепием, и уже почти забыла обо всем на свете, но вдруг, посмотрев на медальон, вспомнила о человеке, который спас мне жизнь, быть может, и теперь он зависел от меня.

– Пуля прошла навывлет. Жить будешь.

– Элен, извини, пожалуйста, за неосторожность, но в моей

цивилизации люди тысячи лет назад отказались от убийств, а оружие можно увидеть лишь в музее.

–Скоро жаркий летний день сменился прохладной ночью, – нам нужно подыскать надежное убежище хотя бы на одну ночь. К тому же залечить твою рану.

–Насчёт этого не беспокойся. Поддай мне медальон Юноны.

Я хотела было его снять, но Максимилиан жестом остановил меня:

–Не нужно.

Повиновалась, наклонилась над ним (рана была в плече) и приложила драгоценную вещицу к пулевому ранению. Уже знакомый мне сиреневый свет озарил её. И через некоторое время на месте раны оказалась чистая кожа.

– Я у тебя давно хотела спросить, что это за сиреневый свет? Он помогает выучить язык, загипнотизировать, создать голограмму и даже вылечить пулевое ранение.

–Это душа, точнее положительная энергия знания, духовная сила, сила прошлых поколений, а ещё импульсы нашего мозга – если с научной точки зрения.

–Значит я тоже могу обладать этой силой? Или это только для более продвинутых цивилизаций?

–Твои родители освоились с ней. Почему бы тебе не попробовать? Только твоё свечение будет зеленым, ты же землянка, а не афэлянка. Но научу тебя этому, не переживай.

–Ладно, учитель, нам нужно найти ночлег. Вставай-вста-

вай.

Он посмотрел на меня капризно, лукаво:

–А если нет?

Его рубашка была расстегнута, карие глаза смотрели как-то странно, – он точно соблазнял меня, и боюсь, что не без успеха.

– Если нет, то королева Юнона будет очень не довольна. Ты знаешь, что мы не можем быть вместе.

– Ну хотя бы один поцелуй! – него был такой невинный взгляд. Я наклонилась и чмокнула его в щёчку. Он всё ещё лежал в траве, растянувшись в ленивой позе, только теперь поднес свой палец к губам и поцеловал его.

–Теперь твоя очередь.

Я обняла его, но стоило мне прикоснуться к его губам, как он резким движением повалил меня на траву. Я не знаю, что со мной случилось в этот момент... Я еле дышала, но совсем не боялась, я хотела, чтобы он меня целовал без конца и без края, я хотела любви.

–Лена, я не могу без тебя. Пока ещё рано, мы не нашли кристалл, но я пойду куда угодно за тобой, потому что люблю тебя. И если суждено королевство теней, я пойду в него, лишь бы с тобой. Давай поженимся.

– Что?

– Как это возможно?

– Возможно, но не сейчас.

Он ограничился поцелуем и отпустил меня. Ему не нужен

был мой ответ, потому что мои мысли он знал даже лучше меня.

Вопрос с ночлегом решился легче, чем я думала. Пока я собрала хворост и землянику, Макс соорудил шалаш и даже кровать, если её так можно назвать.

–Для моей королевы – королевские палаты.

–С любимым в шалаше хоть на край света, – передразнила я, – подожди, а что кровать одна на двоих?

– Да.

– В таком случае я буду спать на дереве.

–Что?

–Или ты, или я.

–Не надейся, что я тебе уступлю, – но Максимилиан не ожидал от меня такой твердости, потому что после нашего скромного ужина, я отправилась, куда бы вы думали? – На дерево.

Ночь была хоть и летняя, но прохладная, джинсы и топ не спасали меня от холода, но гордость была сильнее. Я решила во что бы то ни стало не возвращаться в шалаш. И всё шло вроде бы хорошо, да только ночью я проснулась от стука своих зубов, поёжилась-поёжилась от холода и поплелась в теплую кроватку под одеяло из кленовых веток.

Пробуждение на расцвете нового дня было прекрасно. Солнце ещё не вошло. Я проснулась в объятьях любимого от его нежных слов. Нам снился один и тот же сон.

–Я ни на секунду не сомневался, что моя гордая королева

не сможет спать на дереве, но что она так прекрасна в своём смущении я не знал.

Я молча встала, осмотрела местность и уверенно сказала:

– Нам нужно туда!

– Почему именно в ту сторону?

– Мы ехали на юго-восток, так?

– Да.

– Мох на деревьях растёт с северной стороны, а солнце встаёт с восток, значит мы должны идти в ту сторону.

–Идти?

–Ну не ехать же?

–А почему бы и нет? Лететь!

–Что?

–Моя лаборатория в вашем распоряжении.

И действительно моему взору представился уже знакомый зеркальный купол. Удивлению моему не было предела:

–И ты всё это время молчал! Ты это сделал специально, чтобы переждать ночь.

–Не совсем так. Просто активность солнц помогает нейтрализовать влияние зазеркалья, да и сама лаборатория работает на солнечной энергии. Боюсь только, что долететь нам удастся лишь до Минеральных Вод, а там не знаю, как добраться до Пятигорска.

–Автостопом.

–Как?

–Можно и по-другому, но вряд ли мы сможем добраться

туда быстрее.

–Давай же попрощаемся с этим местом. Не знаю, увидим ли мы его ещё раз.

–Давай. До свидания. Всё.

–Разве так прощаются?

–А как же? -Он посмотрел на меня, не понимая пожимая плечами. Нет, нет, нет. Даже не надейся.

–Почему? Мне, например, нравится с тобой целоваться.

–Максимилиан, не валяй дурака. Поехали.

Я зашла в лабораторию и с наслаждением подумала о всех её удобствах. Конечно, после ночи на дереве это казалось раем.

Максимилиан задержался, но, придя в свой космический корабль, больше напоминающий роскошную виллу, был в таком же великолепном расположении духа.

Когда мы поднялись в воздух, я лишь несколько минут смотрела на расстилающихся под нашими ногами просторы, а потом принялась изучать лабораторию, возможностью чего я не воспользовалась в первый раз.

Я обнаружила в ней массу интересных «штучек». Наряду с компьютерами и другими приборами, я нашла здесь старинные статуэтки, напоминающие языческих богов, они были сделаны из различных минералов, некоторые из них имели земное происхождение, я видела картины, которые время от времени рассматривал в тибетских книгах мой отец, я видела китайские вазы и другие предметы роскоши, но больше

всего меня поразило всё это сочетание древнейшей культуры с технологиями: например, за время полёта я успела побывать в 3-х тайных помещениях-в душе и гардеробе, спрятанных за зеркальными стенами и в комнате Максимилиана, в которой я нашла странную маленькую книжечку, что-то вроде корабельного журнала. У меня не было времени прочитать ее, поэтому я взяла с собой рукописи со странными значками, в последствии забыть её выложить. Надеюсь, Макс не обиделся на меня за это, ведь именно эта книжечка спасла нам позже жизнь.

Ну а пока что мы прибыли в Минеральные Воды, тщательно замаскировали лабораторию, что, впрочем, сделать было не сложно, ведь зеркала Афэллы не отражали свет, отражая лишь предметы, тем самым маскируясь в них. И отправились на трассу-на автостоп.

Однако, мои прогнозы не сбылись. Из огромного количества машин, мчавшихся в Пятигорск, никто не хотел повезти нас.

Прошёл час, потом 2 часа, потом 3 часа-ничего не помогало. Я всё рассказала об этом Максимилиану, он тоже пытался остановить машину «по правилам»-тщетно.

На третий час силы стали покидать меня.

–Можно я сам попробую? – предложил Макс.

–Да, конечно.

–Поможешь мне? – я кивнула. – Тогда иди сюда.

Я устало подошла к нему с вопросом «что делать?» А он

вместо этого вновь поцеловал меня, держа з спиной руку с поднятым вверх пальцем большой руки.

–Ты что с ума сошёл? У меня итак сил нет. А ты этим и пользуешься?

–Да? А посмотри-ка вон туда.

Он повернул меня лицом к трассе. У обочины стояла новенькая иномарка с открытой дверью. Видно, целующуюся парочку легче заметить, чем несчастных, измученных людей.

Белый опель уносил нас в Пятигорск навстречу новым приключениям. Опять?! О, Господи!

Глава IV. Тайна города Пяти Вершин

В Пятигорске была изумительно хорошая погода. Солнце освещало блестящие снежные вершины, неприступные, отвесные, но всё-таки прекрасные. А внизу было жарко, даже усталые кипарисы опустили свои роскошные листья, прячась от палящего солнца.

Резиденция моего отца находилась вдали от шумного города, у склона горы. Домик был небольшой, но аккуратненький. Мы с Максимилианом быстро нашли его. Теперь нужно было отыскать библиотеку.

– И как ты думаешь, где бы она могла находиться? – спросила я у своего спутника.

–Я думаю, – сказал Макс, – что любой сыщик начинает дело с осмотра места преступления. Где находится его ком-

ната, или хотя бы кабинет?

Кабинет отца находился в левом крыле дома, в самом дальнем углу. Но ничего подозрительного в нём не было: большой персидский ковер на стене, стол, шкаф, несколько картин, компьютер, и всё-таки не смотря н присутствующую здесь технику восточная роскошь и европейский вкус чувствовались в интерьере комнаты.

–И что теперь? Мы будем обыскивать письменный стол отца, компьютер, или как?

–Или как.

Максимилиан о чем-то напряженно думал.

–А если снять этот ковер? – медленно произнес он. – Мы так и сделали. Под ним было огромное зеркало.

–Это я и искал. Теперь сними со стены вон ту картину с тибетским монахом.

Я повиновалась и, к своему удивлению, увидела, что за ней также скрывается зеркало поменьше. Солнечный луч упал на него, отразился и появился в большом зеркале.

–А вот и вход. Лена, сними со своей правой руки все кольца и приложи её к этому месту, – он указал мне на светящийся в большом зеркале кружочек. Я так и сделала. Вероятно, сработал какой-то скрытый механизм, потому что в следующее мгновение зеркало отодвинулось влево, и мы увидели лестницу, ведущую вниз.

–Только после вас, – обаятельно улыбнулся Максим. И мы начали спускаться вниз. Лестница была узкая, к тому же по-

стоянно петляла. Темнота тайного коридора вначале пугала, но вскоре стала естественной, тем более, что Макс освещал проход маленьким фонариком. Наконец, ступени кончились, а перед нами предстала маленькая зеркальная комната. Как только мы переступили её порог в этих зеркалах показалось свечение. В них отражалась только я.

—Что это, Максимилиан? Почему в зеркалах нет твоего отражения

—Ваш отец, Елена Павловна, был очень умным человеком. Он запрограммировал вход в лабораторию для вас, вашей матери и себя, разумеется. Если бы я шёл с кем-нибудь другим, боюсь, что зеркала просто уничтожили бы нас.

—Неужели я тоже для чего-то пригодилась! Макс, посмотри, вон там проход открылся между зеркалами. Пойдём же!

—А вот и библиотека. Отлично. Осталась самая малость — найти карту местонахождения кристалла. Твой отец говорил, что она здесь, в его сердце, посмотри.

—Сердце, сердце, может быть, любовь? Ах, нет, их с мамой брак был скорее духовный. Может его труды? Но, боже мой, сколько здесь книг! Мы никогда не найдём карту. Макс, а если нам разделиться? Я пойду за подкреплением...

—Что?

—За продуктами. Не беспокойся. А ты поищешь карту, или что там ещё. Идет?

—А моя королева ещё и готовить умеет? Не может быть! — произнес он лукаво.

–Конечно, я умею готовить.

–А ты знаешь, что путь к сердцу мужчины лежит через его желудок? Вы хотите соблазнить меня?

Максимилиан приблизился, обнял меня за талию и поцеловал, только не в губы, а в нос, потом в щеку. Он играл со мной, заставлял первой сделать шаг, но я решила не поддаваться, также игриво чмокнула его в губы (чего ему действительно было мало) и попыталась высвободиться. Но Максимилиан удержал меня и вдруг очень серьезно сказал:

–Только осторожнее. Я боюсь отпускать тебя, любовь моя, – после чего последовал долгий поцелуй.

–Всё будет хорошо.

Когда я ушла, Максимилиан тоже вернулся в комнату, подошел к зеркалу, завесил все окна в кабинете отца тяжелыми бархатными шторами с помощью нажатия кнопки и вызвал королеву Юнону. Я не знала этого, но Максимилиан постоянно держал связь с матерью. Увы, положение на повстанческих фронтах ухудшалось. Многие терли надежду на освобождение, и единый когда-то фронт распадался на отдельные отряды. А их мира вне зеркал хороших новостей было не так уж много: карта всё ещё не была найдена, к тому же злодейка-судьба свела странным образом сына правительницы и человека , возможно, способного освободить Афэллу, а это было очень опасно. Но оставим эти заботы Максимилиану и его матери, а пока что перенесемся на одну из улиц Пятигорска, по которой шла я со своими покупками.

– Елена Павловна, – обратился чей-то голос ко мне, – друзей не узнаете?

Я обернулась и увидела черные волосы, синие глаза, улыбку, столь знакомую с детства.

– Друзей? Давно ли, Ольга?

– Брось, Лена, неужели ты ещё дуешься на меня? Так получилось. Тебя не было, мы выпили по стаканчику и... ну с кем не бывает?

– Я тебя ненавижу, знать тебя не хочу! И вообще откуда ты узнала, что в Пятигорске?

– Так ведь это везде написано, на каждой стене, смотри.

Она взяла меня за руку и подвела к двухэтажному дому.

– Где? – прежде чем я успела задать очередной вопрос, двое здоровых, что называется «шкафов», не известно откуда появившихся здесь, схватили меня: один из них приставил мне к виску пистолет, а другой начал связывать руки. Она меня обманула. И как можно было попасться на такую дешевую уловку?

– Ольга? Что это значит?

– Добро пожаловать домой, милая.

Я хотела сказать ей какую-нибудь гадость, но прежде чем я успела открыть рот, двое этих «шкафов» запихали меня в машину и повезли не известно куда.

Я попыталась закричать, позвать на помощь, за что и получила удар по голове чем-то тяжелым. Я отключилась.

Сознание ко мне вернулось часа через два. И первое, что

я увидела-это был высокий блондин, о чем-то разговаривающий с одним из тех, что привезли меня сюда. Руки и ноги у меня по-прежнему были связаны-никакой возможности убежать, даже пошевелиться практически не возможно. Я начала рассматривать комнату. Вряд ли она хоть чем-нибудь могла напомнить темницу-значит меня похитили, во-первых, не террористы, а во-вторых не для того, чтобы продать в рабство. Мягкие дорогие ковры, надувная мебель, столики, цветы-всё было оформлено в стиле «модерн» элегантно и оригинально. Мои мысли прервал голос похитителя.

–Наша малышка проснулась. И вы говорите, что сто тысяч долларов – это много за такую красавицу?

Тут блондин подошел ко мне ближе. Боже мой! Это был Константин! Значит мой второй вывод был не верен. Меня похитили, чтобы продать в рабство ему.

–Да, вы правы. Вот двести тысяч ваших несчастных долларов. Она этого стоит.

Последняя фраза была адресована мне. Костик протянул мужчине чемоданчик с деньгами, после чего тот удалился.

– Ну здравствуй, дорогая, хотела убежать, да? И ведь почти получилось. Но... Помнишь наш телефонный разговор в поезде. И неужели ты подумала, что стук колес не будет слышно по сотовому? Ошибочка вышла, а ведь мы такие умные. Мне ничего не стоило выследить поезд, который отправился из Воронежа на юг. И ещё проще было найти твою фамилию. А в итоге...

– Что ты от меня хочешь?

– Что я хочу? – он рассмеялся. – Я хочу мести, я хочу любви, я хочу свободы, но больше всего я хочу убить твоего любовника. Кстати где он? Неужели он лучше меня? У нас с тобой теперь будет много времени, ведь ты моя рабыня, поняла? – тут он заметил у меня на шее медальон, – я тебе его не дарил. Это его, да? Да?

Костик попытался дотронуться до медальона, но в этот самый момент сиреневый свет, точнее свечение, оттолкнуло его, обожгло. Вспышка была яркой и неожиданной. Константин одернул руку.

–Черт! А эта штучка не простая. Фараон, иди сюда.

Вошел человек. Похитивший меня, он попытался сделать тоже самое. Вспышка повторилась. Константин во что бы то ни стало хотел снять медальон, но ничего не выходило. Наконец, он начал злиться.

– Бросьте её в подвал до моего возвращения. Искорки ярости вспыхивали в его глазах. Безусловно, Константин был эгоистичным, избалованным человеком, но более всего он был злым. Я чувствовала это ещё вначале нашего знакомства, к тому же я всегда понимала, что между нами не может быть ничего больше дружбы: брак, основанный на взаимопонимании. А не на любви мог быть крепким для меня с кем угодно, кроме него. Другое дело Максимилиан. Я знала и таких людей, как говорится, «мачо». Они добивались того, чего хотели, с легкостью и также беспечно оставляли

девчонок, пресытятся ими. Редко такие люди бывают счастливыми. Не понимаю, как можно было влюбиться такого человека. Тем более мне с разумной головой на плечах.

Однако, все эти мысли ко мне пришли позже, когда я уже была в темном подвале. Крысы то и дело бегали по полу моей темницы. Но я не боялась их, я боялась будущего...

Максимилиан продолжал разбирать книги в библиотеке. Когда со мной произошла эта нелепая история. Неожиданно он остановился, замер, потом поднес левую руку к лицу и пристально посмотрел на кольцо с небольшим плоским камнем. Пришло время открыть секрет Максимилиана. Давая мне кулон королевы Юноны, он назвал почти все причин своего поступка. Почти все, но не все. Осталась одна маленькая, но хитрая идея в его голове: Максимилиан хотел контролировать меня, или хотя бы не выпускать из вида, держать постоянно связь. А дело было в том, что медальон его матери был соединен телепатическими связями с кольцом на его руке. И сейчас, когда хозяйке цепочки грозила опасность (а вспышки бывали лишь в этом случае), кольцо подавало сигнал.

Максимилиан знал. Что так и будет, знал, что путешествие очень рискованно, не безопасно, и он был готов к этому. Используя кольцо в качестве компаса, он легко нашел коттедж, где в подвале меня держал Константин. Охранники задержали его на входе, что, впрочем, было не очень плохо – отличный способ попасть именно туда, куда нужно в кратчайший

срок. Константина не было, поэтому его работа за неимением дальнейших указаний насчет задержанного субъекта бесцеремонно его бросили в тот же подвал, что и меня.

– Давно не виделись.

– Макс! Не может быть! Ты откуда здесь? Развяжи скорее мне руки!

– Сейчас (Он начал торопливо резать веревки карманным ножом. Вероятно, охрана не удосужилась обыскать его.

– Ты какими судьбами здесь? Я же предупреждал тебя быть осторожнее.

– Меня остановила на улице Ольга...

– Ольга? Неужели не хватило ума не разговаривать с ней?

– Ладно, знаю, что поступила глупо. И вот теперь я пленница своего бывшего жениха... Ай!

– Больно?

Нож был хоть и маленький, но острый, я порезалась.

– Царапина, – продолжил Макс, – до свадьбы заживет. До нашей свадьбы.

Он поцеловал мой пальчик, потом другой, потом неожиданно крепко обнял:

– Я так испугался! Никогда-никогда не делай так больше, я же мог потерять тебя. Нужно выбирать. Для начала осмотрим помещение.

– В такой темноте вряд ли что-то можно разглядеть.

– Пардон, я забыл, что земляне не видят в темноте. Нужен источник света.

Подняв с пола какую-то палку и обвязав её тряпкой, Максимилиан сосредоточенно посмотрел на ней. Сиреневый свет – и палка зажглась!

– Классно!

Подвал оказался не таким уж страшным, как мне показалось в первый раз. Это был скорее склад металлолома.

– Отлично, – сказал Макс, – именно то, что нам нужно. Стены в доме не прочные, а вот этим (он взял в руки небольшую кувалду) мы спокойно сможем проделать выход.

– Изумительно придумано. Я возьму вот эту штучку.

– Ещё чего! Женщинам не положено выполнять мужскую работу.

– Что? Ты не хочешь побыстрее выбраться отсюда? Будем считать, что я не слышала всех этих глупостей.

Я взяла железяку и ударила, что есть силы в стену. Макс усмехнулся и подошел к стене. У него, конечно, получилось лучше, чем у меня, да и мои силы кончались слишком быстро, но гордость не сдавалась. И тут меня осенило.

– Макс. А как ты попал в Золушкин дворец? Помнишь, ты что-то говорил про мысли?

– Да. Я не помню слов. Знаешь это как заклинание. Мысли можно настроить на прохождение через пространство определенным сочетанием звуков, но они в моем дневнике на корабле.

– А вот и нет.

Достала книжечку из рюкзака.

– Я хотела только посмотреть, – оправдывалась я за чрезмерное любопытство, – и нечаянно взяла её... .

Я не закончила фразы, потому что почувствовала холодное дуло пистолета у виска.

– Вот и хорошо, – произнес Костик, – давай мне её сюда, только без глупостей.

Он взял книжечку и при свете факела отчетливо прочитал надпись на последней странице, аккуратно сделанную моей рукой:

«Максимилиан Буцентиорри, я люблю тебя.»

– Ах как романтично! Увидеть смерть любимого. Скажи мне только одно, чем он лучше меня? Почему он?

– Костик, ты не так всё понял. У нас с ним ничего не было.

– Значит не было? А поцелуйчики и вот эти надписи-это невинная любовь, да? – он ударил меня.

– Не смей её бить! – вмешался Максимилиан.

– Я никогда не прощу тебе этого, – процедил сквозь зубы я, и вдруг резко повернулась и плюнула ему в лицо.

– Ах ты...-Константин поднял руку, но в этот момент я увидела сиреневое свечение, исходящее из глаз Максимилиана, услышала мягкий успокаивающий голос, он гипнотизировал. Костик медленно опустил пистолет, потом отдал мне в руки книгу. Я лихорадочно начала искать слова, или как-там это называется, заклинание?

– Какая страница?

– В конце, выделено сиреневым, – отвечал Макс, – пере-

дай книгу мне.

– Нашла! – крикнула я, но в этот момент земля зашаталась у меня под ногами, потом ещё толчок сильнее-это было землетрясение. Я упала. Максимилиан лишь на секунду оторвал свой взгляд от костиковых глаз, но этой секунды было достаточно, чтобы тот очнулся и кинулся на него. Краем глаза я заметила, что наш факел, стоявший у левой стены, упал и там начал разгораться костёр.

Потом я бросилась к книжечке и сама начала читать сиреневые латинские буквы, я знала, что мысли Макса смогут перестроиться даже без зрительного контакта с текстом. Другое дело, они с Костиком дрались. Мой бывший жених ходил когда-то на бокс, да и ростом, сложнее был крупнее Макса. Я не могла определить, кто из них побеждает, поэтому даже смотреть не стала, нужно было действовать и срочно.

– ФДЕН КАССИОПЕЯ МИГМА ДЖЕН-ДЕ-СВ-ИЛУ... - я не договорила всего 2-х слов, потому что в этот момент подземный толчок повторился снова, и он был намного сильнее первых двух. Вероятно, конструкция коттеджа не выдержала и с грохотом на меня упала груда камней. Не знаю, была ли это стена, или крыша, я видела лишь яркие языки пламени и пляшущую приближающуюся тень, яркий свет – и больше ничего.

Очнулась я в полуразрушенной отцовской библиотеке. И первое, что увидела – черные волосы и карие нежные глаза.

– Максим, ты жив? Как хорошо! Что случилось?

Вместо ответа он наклонился и поцеловал меня, да так, что я чуть не задохнулась. Он не прекращал. Спускался всё ниже. Пока я, наконец, не вскрикнула.

–Я уже думала, что потерял тебя. Боже мой!

– У тебя же нет Бога?

–Теперь есть, раз ты жива

–А Костик? Он же остался там?

–Когда я уходил, я видел черноволосую девушку. Ольга не бросит его.

–Подожди, но ведь дневник сгорел. Как мы смогли выбраться из огня.

–Я вспомнил слова. Не знаю как, но вспомнил.

–За это я тебя и люблю. В критических ситуациях ты всегда находишь выход.

Теперь уже я поцеловала его.

–Кстати, Макс, я знаю, где карта.

Он удивленно посмотрел на меня.

–Когда я копалась в твоём дневнике, то поняла, что сердце отца может быть это в переносном смысле. Все ещё не понял?

Он отрицательно покачал головой.

–В его бюсте. Помнишь на отцовском столе стояла его скульптура. Я ещё удивлялась этой странности, ведь отец никогда не был нарциссом. Скульптур-это тайник. Неси её скорее!

Пока Максим поднимался отцовский кабинет, я попыталась встать. И к своему удивлению увидела, что я была в одной ночнушке. Значит он... Вот наглец! Хотя с другой стороны он ведь спас мне жизнь. Почему бы и нет? К тому же сама мысль об этом приводила меня в трепет. Не может быть такого!

Тем временем он вернулся.

–Максимилиан, что это на мне такое надето?

–А тебе не нравится слишком короткая юбка и глубокий вырез? Я могу тебя переодеть.

–Все шутишь? Макс, скажи мне, пожалуйста, между нами... было... что-нибудь?..

–Что? – он как будто не понимал. Сама невинность!

–Ну что-нибудь такое интимное?

Максимилиан приблизился и, улыбаясь, сказал:

– Ты покраснела, – он обнял меня одной рукой за талию, другой поправил волосы, а потом я почувствовала, что вторая рука скользнула ниже. Мне стало страшно. Глупенькая, если бы я захотел, то давно получил бы желаемое.

Я смотрела ему в глаза и верила, что действительно так бы оно и было.

Нужно было переменить тему.

–Максимилиан, ты нашёл карту?

– Не совсем.

Он показал мне на бюст. И действительно небольшой ку-сочек на груди глиняного человека в очках открывался, но

под ним были 4 кнопочки-шрифт. Макс пробовал написать мое имя, или имя моей матери, но они не подходили.

–Слушай, а если написать моё имя наоборот-в зеркальном порядке, ведь отец изучал зеркала.

Мы набрали «АНЕЛ» – нижняя част бюста открылась. Там была карта и блокнот с пометками для расшифровки карты.

–Ты мой ангел! А говорила, что не приносишь пользы. Давай посмотрим, куда теперь?

Мы долго рассматривали карту.

–Остров Святой Елены, – ошарашенно произнесла я. – Значит там кристалл?

–Не знаю-не знаю. Но вот ещё одно доказательство моего правильного выбора.

–А теперь куда? В лабораторию?

–Зачем же? Ты хорошо выглядишь?

–А что?

Он подошел, взял меня за руку, произнес уже знакомые слова и понес меня через сиреневый свет пространств. Туда, на другой конец света, на остров Святой Елены.

Глава V. Женское счастье

– Остров Святой Елены – это полуколония Великобритании, он находится в Атлантическом океане к западу от Африки и омывается двумя течениями: холодным Бенгальским и теплым Ангольским. Основной язык населения – английский, но здесь существуют также почти дикие племена, го-

ворящий на местных диалектах. Тропический тип климата. Растительность и животный мир разнообразны. Обитаема в основном восточная часть острова, нас же занесло в его необитаемую часть. Как всегда! Вот в основном всё, что я знаю из географии о Святой Елене, – сказала я, пробираясь через тропические джунгли таинственного острова, – Максим, ну неужели обязательно нужно было перенестись в непролазные чащобы, в лес? Ведь половина этой земли заселена и цивилизована.

– Лена, как можно! Да разве я лишил бы тебя возможности попутешествовать и помучаться?!

– Ах, ты!

– Нет, но если серьезно, мы должны идти по карте к указанному месту.

– Дай-ка её сюда, – я напряженно всматривалась в бумагу, исчерченную всевозможными кружочками и крестиками, – Макс, а почему нельзя сразу прибыть в пункт назначения?

– Мы должны преодолеть несколько препятствий, видишь-он указал на красные кружочки карты – для того, чтобы найти шифр к пирамиде, в котором хранится кристалл. Лаборатория тоже для этих целей не годится, потому что, во-первых, здесь очень высокая влажность, а во-вторых, деревья и лианы. Так что, рюкзачок за плечи и вперед.

– Максимилиан, я плохо переношу перемену климата, а ведь мы не прошли даже прививку против всех тропических инфекций.

– Алена, нет времени! Нона терпит поражения. Кристалл нужен срочно.

– Если я заболею, виноват будешь ты. И времени на лечение придется потратить гораздо больше, ведь не хочешь е ты, чтобы я сражалась с монстрами зазеркалья больной?!

– Физическое состояние здесь не играет никакой роли. Главное-твоя душа, а я знаю, какая она сильная.

– Тихо, Максим, ты слышишь?

Он остановился в двух сантиметрах от меня. Я была одета в сиреневую блузку с длинными рукавами и в джинсы такого же цвета. (Ещё один наряд его матери).

– Нет, – сказал Максим с каким-то странным взглядом.

Он коснулся моей талии, потом притянул к себе.

– Только не говори, что не хочешь этого!

– Максим, перестань! Я действительно слышала какой-то необычный звук.

– Это был попугай, – продолжал он, сильнее прижимая меня к себе.

– Макс, – почти вскрикнула я, – отпусти меня. Было видно, что он колебался, однако, всё-таки совладал с собой. Я знала, что зажигала его, знала, чего хотел этот мужчина, и пообещала себе не давать ему этого.

– Как знаешь, – холодно ответил макс, отстраняясь.

Я не знала, что говорить в таких случаях, но пауза между нами повиснуть не успела, потом что в этот момент опять-таки сверху что-то спустилось, или кто-то оттуда спустился.

Точнее это была женщина. До моего сознания донеслось одно слово «амазонка», но я не сразу поняла его значение.

Однако, полуодетая женщина, высокая, загорелая брюнетка с вьющимися волосами, не теряла времени. Она сделала шаг к Максимилиану и поцеловала его в губы на моих глазах, сказав при этом какую-то фразу. Я заметила также, что после этого Максимилиан опять-таки очень странно посмотрел в её глаза.

– Что она говорит? – спросила я, прервав тем самым молчаливую дуэль Макса с амазонкой.

– Она говорит «Привет»-у них так здороваются, – сказал он мне после некоторой паузы.

Он врал. Он, безусловно, врал, но я решила не говорить этого. Женщина сказала ещё что-то. А Максимилиан, изучивший несколько языков за неделю в Воронеже, перевел:

– Она спрашивает: «Что мы тут делаем?»

– Ну так ответь и не забудь спросить, кто она.

Макс так и сделал, амазонка что-то ответила ему, после чего повисла пауза и последовал долгий взгляд. Он словно испытывал дикарку, хотя вслух перевел так:

«Я вождь племени диких женщин, отрекшихся от мужчин.» Вероятно, Макс не договорил её слов насчет возможности иметь детей. Скорее всего, Флиц, как звали предводительницу амазонок, предложила Максиму свою постель.

Однако в этот момент черноволоса женщина, подражая птицам, вскрикнула 2 раза, и тут же появилось ещё две де-

вушки. Одна из них была шатенкой с синими глазами и персиковой кожей, вторая – рыжеволосая красавица с темными нефритовыми глазами и молочной кожей. Шатенка также приблизилась к Максимилиану и поцеловала его.

– Нравится мне, как здесь здороваются! – произнес мой спутник и уже приготовился к третьему поцелую, когда рыжая амазонка подошла маленькими шажочками к нему, протянула руку и на чисто-русском языке произнесла:

– Здравствуйте, меня зовут Джанет. Нашу королеву Флиц-Мейджи, а мою подругу Вирнилла.

– Странные имена, – сказал несколько разочарованный Макс.

– О, – подхватила тему я, наконец, встретив человека, который сможет мне всё объяснить. – Вы знаете русский? Откуда? О, простите, меня зовут Елена Павловна. А моего спутника Максимилиан, можно просто Макс-он не обидится, а меня-просто Лена.

– Это долгая история, – ответила Джанет, -я обязательно расскажу её вам, а пока что не откажитесь ли вы посетить поселок амазонок?

– О, с удовольствием! За вами – хоть на край Земли, – произнес, оживившись, Макс.

Вместо ответа женщины легко подхватили нас с Максом на руки и понесли не известно куда.

Городок амазонок поразил меня до глубины души. Их дома представляли собой огромные гнезда, сплетенные из ве-

ток, а внутри выстланные мхом и древесиной. Гнезда были очень теплыми и удобными. От дождя защищала импровизированная крыша, соединяемая с гнездом палками. Все домики прятались в изумрудной листве и очень хорошо маскировались. Не удивительно, что цивилизация не коснулась этого женского племени-она не нашла его.

– Вы будете здесь жить, – произнесла мне моя новая рыжеволосая знакомая, указывая на одно из гнезд.

–Вдвоем? – с недоумением спросила я.

– Нет, конечно, Хотя вы брат и сестра, но у нас не принято, чтобы мужчина с женщиной жили в одной доме.

– Но мы не брат и сестра! – возмутилась я. Максимилиан не дал мне договорить.

– Джанет, а что вы имеете в виду под словами «будете жить»? Мы очень торопимся и вряд ли задержимся здесь больше, чем на одну ночь.

– Вы пробудете здесь столько, сколько нужно.

–Кому нужно?

–Королеве Флиц. И ещё кое-что, – сказала Джанет, обращаясь ко мне, – я всей душой желаю вам с Максимилианом оставаться братом и сестрой.

– А если нет?

Джанет не ответила, она развернулась и ушла, точнее убежала, потому то амазонки никогда не ходили – они парили, летели над землей в своём грациозном беге. Однако странный намек сквозил в её словах. Стоило задуматься над её

словами, или спросить Макса-уж он-то точно знал, в чем дело. Однако, где он?

Максимилиан в это время распаковывал наши вещи в сооружении, похожем на гнездо.

– Боже мой! Что ты делаешь, Макс? Неужели ты собираешься остановиться здесь. Жить и спать в этом... этом...

– Да, собираюсь. Во-первых, потому что лучшего укрытия на ночь в джунглях не найти. Посмотри, уже почти стемнело. А во-вторых потому что до поры-до времени мы их пленники. Ты же слышала, что сказала Джанет.

– А зачем ты распаковываешь мои вещи?

– Потому что я не собираюсь никуда тебя отпускать. Как брат и сестра мы можем себе это позволить. Не особо доверяю этим женщинам.

– Кстати о нашем родстве. Это твои выдумки?

– Элен, ты разочаровываешь меня. Неужели не понятно, что будь ты моей женщиной, или невестой, ты пошла бы на костер в качестве дров. Я так думаю, они и сейчас попытаются вовлечь тебя в свои ряды. А в мои планы не входит твоё отречение от мужчин.

После этих слов Макс надолго ушел, а, усевшись в теплом гнездышке, принялась за изучение отцовских дневников. Я нашла в них описание этого племени и самой правительницы Флиц и Вирниллы – её верной служанки-телохранителя, которая знала многое о ядах и владела очень хорошо искусством врачевания. В отцовской рукописи описыва-

лись обряды амазонок, их образ жизни так правдоподобно, что вскоре я поняла, почему отец дважды посещал Африку – точнее будет сказать Святую Елену. Он писал, что всякий мужчина, попавший землю амазонок, должен был непременно стать отцом одного из детей женщины, выбравшей его. А женщина, вторгшаяся сюда – либо амазонкой, либо жертвой богам. Но ещё одно обстоятельство не давало мне покоя – описывая портреты амазонок из окружения королевы, мой отец ничего не говорил о Джанет, хотя она была одной из самых близких подруг Флиц. К чему бы это?

С такими мыслями я засыпала, в теплом уютном домишке амазонок. Проснулась я неожиданно ночью, и первое, что увидела – это было лицо Максимилиана, лежащее у меня на груди. Его рука обнимала мою талию. Боже мой! Меня охватил невероятный испуг. Но в ответ на мои неловкие попытки освободиться, он потерялся о мою грудь. Горячая волна пробежала по моему телу. Нужно было что-то делать и первое – избавиться от соблазна оставить всё, как есть. Я попыталась поднять его тяжелую руку – Максимилиан недовольно промурчал что-то себе под нос, как кот, пригревшийся на коленях у хозяйки, и прижался сильнее к источнику тепла. Предательская молния вновь пробежала по мне. Тело бунтовало против разума. Пришлось разбудить Макса. Проснувшись, он сразу понял причину моего недовольства, попытался пробормотать что-то вроде «я не хотел, извини», хотя, впрочем, как только я благополучно выбралась из лого-

ва амазонок, он также легко перевернулся на другой бок и заснул.

А меня волновало другое. Я пыталась застегнуть свою непослушную блузку. У Макса очень быстро получилось сделать обратное, потому что он оторвал несколько из них. Негодяй! Как он посмел воспользоваться моей беспомощностью, сном! Я взглянула на его спящее мужественное, но вместе с тем наивное лицо. Какой же он негодяй? Он самый красивый мужчина в мире. Он как кот, мягкий, нежный, но хитрый и коварный одновременно. И я люблю его.

—Я тебя тоже люблю, — донеслось до меня. Максимилиан во сне подслушал мои мысли, наверное. Спящий человек всегда говорит правду. Я счастлива.

Была яркая, ясная ночь, необычная для этих мест. Луна, как полуночная королева, блестела и восседала на троне ночного небосклона, а звезды, словно драгоценные камни, украшали его, и сияли, и падали.

Где-то там грустит Афэлла...

Как можно спать в такую ночь? Во мне вдруг проснулась небывалая сила. Я пошла, точнее полетела над землей, словно амазонка.

Вскоре я услышала какой-то шум, смех, плеск воды и помчалась туда. Казалось, за одну минуту мимо меня пронеслось километров десять-двенадцать. Я шла не известно куда по неизвестной мне местности, но я точно знала, что иду в правильном направлении.

И вот из-за высоких деревьев я увидела живописнейший, круглый, как блюдечко, пруд. Серебряная Луна отражалась в нём, создавая неповторимое зрелище. Я никогда в жизни не видела ничего прекраснее этой лунной дорожки! Всмотревшись повнимательнее в берега, я начала различать на них белоснежные тени. Это были амазонки. Они, словно призраки, окружили берега этого изумительного пруда. И вдруг, словно по команде, они подбежали к воде. Все девушки были одеты с прозрачные длинные одежды, они бежали в синюю воду, плескались в ней, и смеялись, и плавали. Первым моим ощущением было желание кинуться в пруд вместе с ними. Я уже подошла к воде, но внезапно вспомнила о Максимилиане, и вслед за своими мыслями помчалась прочь от сказочной купальник амазонок туда, к кому-то до глубины души родному и милому.

Пробуждение было таким же радужным, как сон. М с Максимилианом лежали все также в одном гнездышке, обнявшись. На этот раз ничего не приличного этом не было. Я ничуть не боялась его, тем более, что он заставил меня открыть глаза нежным поцелуем.

– Мне снился такой сон! – пробормотала я, ещё не до конца приходя в сознание.

– Доброе утро! Меня вызывают к королеве. Справишься без меня?

Я кивнула.

– Кстати, куда это ты ходила ночью? Мне было холодно

одному.

– Что? Какой же ты всё-таки! Я замахнулась на него ботинком, но Макс увернулся и со смехом выбрался из гнезда. И всё-таки, неужели всё произошедшее ночью было правдой: и лес, и купальня, и лицо Максимилиана у меня на груди? При этом воспоминании я покраснела. Вообще-то Максимилиан отучил меня краснеть при мысли о мужчине и женщине, которые «больше, чем друзья», но иногда эти мысли не давали мне покоя. Повалевшись ещё немножечко в теплой постельке, я встала и с удивлением заметила, что ещё совсем рано-даже солнце не взошло. Потом я заметила, тоже не без изумления, что одета я в такой же костюм, в каких вчера были амазонки, только сиреневого цвета.

Что это-опять проделали Максимилиана? Или амазонок? В этот же момент я увидела Джанет, отправляющуюся за водой. Не теряя ни минуты, я побежала к ней, причем, ощущение было такое же, как вчера ночью – невероятная легкость!

– Джанет, здравствуйте. Куда вы идёте?

– К озеру счастья. А вы хотите меня проводить?

– Да. Что такое озеро счастье?

– У нас есть такой обычай. В ночь Ариадны, когда луна спускается искупаться в одном из наших священных озёр, мы очищаем души наши и мысли наши от зла. Озеро Счастья дает искупление. Если выпить из него воды, человек станет счастливым в любви, а, если помочить ноги, он станет летать над землей, как летают птицы. Для мужчин это озеро скры-

то, и лишь женщина способна отыскать его. Обычно, испугавшись в нём, девушки становятся амазонками, и только любовь, настоящая и единственная, способна уберечь их от такого шага.

– Такая ночь была вчера, не правда ли?

– Да.

– Джанет, почему вы загрустили?

– Да так, ничего.

– Это секрет?

– Почему же! Ни для кого не тайна, что в одну из таких ариадновых ночей я отреклась от мужчин. У меня был жених, добрый, нежный и заботливый человек и отец. Ах! Но я не любила их по-настоящему, я не смогла остановиться перед пропастью.

Я хотела перевести разговор на другую тему, поэтому спросила:

– Вы так хорошо говорите по-русски, хотя тренироваться здесь не с кем. Откуда вы знаете русский язык?

– У амазонок нет возраста, но по вашим земным меркам я достигла бы с восходом луны тридцатилетия.

– Что? – я не верила своим ушам. Девочка, которой я не дала бы и шестнадцати лет была старше меня на семь лет.

– Ты не ошиблась в цифрах?

– Элен, мы же амазонки, да и потом – жизнь на природе и лечебные мази продлевают молодость.

– Ладно, значит, когда тебе было двенадцать, мне испол-

нилось пять. С этого времени отец начал куда-то ездить, часто ездить. У него могла быть дочь на Святой Елене.

– Дочь? То есть я твоя сестра? Не может быть!.. хотя у отца была вторая жена. Добрая, светловолосая женщина, она работала с ним вместе, и звали её... Марией, хотя отец называл её чаще Мартой.

– Бог мой! Джейн, ты моя сестра! Но кто, кто из этих женщин твоя мать?

– Флиц-Мейджи.

– Значит...

– Отец очень любил её и, если бы не моё рождение, их ссора из-за этого, а потом, потом...

Джанет почти плакала, цепляясь своими миниатюрными ручками за моё плечо.

– Джанет, не надо, не плачь.

– Когда я родилась, мать хотела назвать меня так же, как называешь ты сейчас. Отец ответил: «Нет». И получилось «Джанет». Ах, Лена, Лена, я знаю, что когда-нибудь ты придёшь.

Мы с сестрой сидели на берегу водоёма, и ещё долго спорили, и плакали вместе обо всём, и вспоминали фрагменты из детства, и вместе читали отцовский дневник. Когда же стемнело. И пришла пора возвращаться, мы вместе помчались в городок амазонок.

Максима нигде не было, а мне столько нужно было ему рассказать ему. Ну ладно. Нужно забежать ещё к моей ново-

явленной мачехе-королеве.

Её дом не был похож на дома других амазонок. Это было что-то вроде хижины. Я очень спешила к ней, хотела обнять её, посмотреть в глаза женщины, которую любил мой отец. Я, конечно, немного ревновала её по отношению отцу. Но то, что я увидела, открыв дверь, не укладывалось в моём сознании, не могла поверить в это. Впоследствии вспоминая этот случай, не переставала думать, что какая-то неведомая судьба привела меня в её дом. Я увидела Максимилиана почти без одежд, склонившегося над обнаженной женщиной. Кто бы вы думаете это была? Не правильно. Бросив лишь один взгляд, я сразу же узнала длинные волосы Вириллы. Любовники поняли не сразу, что я вошла. Девушка не обратила на меня почти никакого внимания, зато Максимилиан, оставив новый предмет своих обожаний двинулся ко мне.

– Я всё объясню, – сказал он.

Тупо глядя на постель, где всё ещё располагалась его любовниц, я тихо произнесла:

– Ты этого всё время добивалась, да? Максимилиан, прощай. Афэлла найдет себе другую спасительницу, а ты – другую игрушку.

– Но, Алёна.

Я развернулась и пошла меленными шагами от этого дома. Жизнь, лишь мгновение назад прекрасная, потеряла для меня всякий смысл. Макс продолжал следовать за мной, но прогнать его не было сил. Наконец, он остановил меня:

– Лена. Но ведь всё совсем не так.

Я посмотрела на него взглядом женщины, потерявшей всё.

– Чего ты ещё от меня хочешь? Дай мне уйти молча, без скандала. Ты выбрал другую. Это твой выбор, и ты его сделал.

– Но неужели всё закончится так?

– Максимилиан, если б ты стал отцом ребенка Флиц, я бы поняла. А теперь всё. Больше ты от меня ничего не получишь. Прощай.

И я опять побрела, куда глаза глядят. Он всё ещё стоял неподвижно вероятно, убитый моей переменой. Он не попытался меня догнать, да и не смог бы, потому что, через несколько секунд я умчалась прочь. Куда я шла? Чего хотела? – Не знаю, только помню, что сознание вернулось ко мне, когда огромная Луна осветила круглый, как блюдечко, пруд, спрятанный в дебрях лиан и кустарников. Я смотрела на воду, на белые лотосы, обрамляющие берега Озера Счастья, и была уже почти готова вступить в пленяющую, мягкую, как молоко, воду. Но в этот момент на груди моей засиял сиреневым светом медальон, я открыла его крышечку, вновь взглянула на такой знакомый портрет и вдруг поняла, что никогда-никогда я не смогу этого сделать, никогда я не забуду твоё лицо, Максимилиан, никогда не смогу разлюбить тебя, предатель. И ничего, кроме слез, мне не оставалось, и в этих слезах утонул весь мир: и озеро Счастья, и лианы, и

луна, огромная и печальная, моя одинока спутница...

Глава VI. Испытания

Но в эту ночь на луну смотрела не только Елена, не только она искала ответ на вопрос «Как жить?» и «Почему-почему всё должно было случиться, закончиться так?»

Там, далеко в лесу, в деревне амазонок, Максимилиан, этот злой и коварный предатель, тоже искала правду, искал причину, только не в искуплении зла, не в озере Счастья, а в зеркале. Увидев его, мать сразу всё поняла:

– Она ушла?

– Да.

– Максимилиан, нее расстраивайся, всё будет хорошо.

– Нет.

– Странно, с Филиппом всё было совсем по-другому....

Он рассказал всё Агнессе, и та его простила, они пошли дальше. Впереди ведь ещё испытания.

– Всё! Её потерял навсегда. Навсегда, мама, зачем же мне теперь жить? Зачем сражаться за Афэллу? Вместе с ней я потерял всё, всю свою жизнь.

– Мальчик мой, что с тобой? Как ты можешь говорить такое? Измена – это лишь испытание. Если она тебя любит. Любит по-настоящему, она простит тебя и поймёт. Ты же нужен нам, очнись! Неужели из-за какой-то женщины ты способен бросить всё?

– Испытания, говоришь? – В его глазах вспыхнула

ярость. – да будьте вы прокляты со своими испытаниями. Я люблю эту женщину, её одну в целом мире. Я даже не могу представить себе, чтобы она мне изменила, хотя сам так поступил с ней. Она, наверное, и видеть меня не хочет, как подумаю, что она теперь достанется другому мужчине, я начинаю сходить с ума.

– Нет, другому мужчине она не достанется, – тихо проговорила Юнона, – она сейчас готовится стать амазонкой.

– Что?! Только не это! Мама, умоляю, останови её, если хоть чуточку любишь меня. Где Елена, где?!

– Успокойся, сын. Она сама сделает свой выбор. И я знаю, что она любит тебя. Ты так похож на своего отца в молодости, – улыбнулась Юнона.

– Мама, мне так тебя не хватает. Если бы хотя бы один человек, родной человек был бы со мной.

– Он у тебя есть, – произнес голос за его спиной.

– Что?

Оглянувшись. Максимилиан увидел Джанет.

– Ты нужен ей, и она вернется, обязательно вернется. Я её узнала очень хорошо за эти несколько часов. Она как отец, что бы ни произошло всегда возвращается. К тому же, – тихо добавила Джанет, – амазонки ищут её.

– Значит всё-таки костёр?

– Да. Но были случаи, когда женщины выживали, проходя сквозь него.

– Но я же сделал всё, чего требовала Флиц-Мейджи! По-

чему Елена должна погибнуть? Так!

– Максимилиан, это ещё одно испытание, испытание духа. Мне говорили, что новая звезда не упала в озеро Счастья, значит, Елена не сделала решающий шаг. Она прошла первый уровень, ка значит, она любит тебя.

– А ты бы простила меня на месте своей сестры?

– Я никогда не знала любви и не хочу знать после того, как увидела её боль, – ответила амазонка.

– Знаю-знаю, только у меня не было выбора. Я должен был уберечь её от костра. Я запутался. Что же теперь делать, Джанет?

– Тебе нужно быть сильным.

С этими словами Джанет обняла его. Вскоре Максимилиан уснул, словно ребенок. Наверное, все мужчины похожи на детей.

А его воображение ещё долго металось в грезах сновидений. Он видел обрывки их встреч. Приключений, видел её волосы, глаза и в то же время всё действие происходило на фоне какого-то непонятного шума. Он долго не мог понять, что это? И вдруг он чётко услышал голос своего брата Филиппа: «Используй медальон, используй медальон, медальон.» В этот момент Максимилиан проснулся.

Пламя священного костра жертвоприношений было разложено, и ритуальные песни слышались со всех сторон. Амазонки уже начали свой жестокий обряд. Он увидел Елену в белых одеждах. Племя диких женщин собиралось прине-

сти её в жертву. Максимилиан почувствовал, что он практически не может двигаться. Вирнилла заставила выпить его какую-то гадость, и теперь спасти пленницу амазонок он не мог. Но не всё было потеряно. Когда Елену привязали к доске, исчерченной разными ритуальными символами, и поставили в центр костра, Максимилиан уже знал, что делать, и он действовал. Джанет заметила сиреневое свечение, исходящее от его газ, вначале направленное на кольцо, а через некоторое время и в центр костра. Самое главное было заставить поверить ему обманутую девушку. Через секунду пламя вспыхнуло с новой силой, осветилось сиреневым свечением, послышался глухой взрыв и из костра вышла пленница, целая и невредимая, она была как бы отгорожена от огня еле заметной сияющей аурой.

Как только это произошло, Максимилиан ещё раз сосредоточенно взглянул на Елену и потерял сознание. Надолго ли? Быть может, навсегда...

Амазонки, увидев моё божественное спасение, назвали меня единодушно Святой Еленой. Оказалось, что практически все они знают основы русского языка. По приказу Флиц-Мейджи эти полудикие девушки начали изучать его. Но когда мой отец и Флиц-Мейджи расстались, говорить на нём было запрещено всем, кроме Джанет, поэтому в их сознании остались азы языкового навыка.

Я, не известно как спасенная из адского пламени, ждала лишь одного-попрощаться с Джейн, потому что последняя

наотрез отказалась следовать со мной, и ещё уехать домой, желательно не встречаясь с Максом.

Однако, сестра подбежала ко мне с испуганным видом и, не сказав ни слова, потащила куда-то за руку.

Вали от костра лежал Максимилиан.

– Лена, он не дышит.

– Что!

Ни массаж сердца, ни искусственное дыхание не помогали. Он умер?! Не может быть!

В одно мгновение все мои прошлые обиды померкли перед одним роковым словом «смерть». Мозг рассуждал холодно, но сердце билось со скоростью тысячу ударов в минуту:

– Зови Вирнилу и Королеву. Немедленно!

Джанет убежала. Когда я осталась одна, чувства, наконец, вырвались наружу: «Максимилиан, я ненавижу тебя, но я не хочу ни за что на свете твоей смерти.»

В одно мгновение его измена потеряла смысл.

Когда амазонки задрали Максимилиана, когда из моих ладоней уплыла его рука, я с отчаянием подумала, что всё-это конец. Зачем теперь мне жить?

Тут я вспомнила его мать. Нужно ей рассказать. Но как это сделать? Как можно сообщить женщине, что её сын, равно как и её надежды на спасение, умерли?! Однако, я всё-таки взяла карманное зеркальце Максимилиана и произнесла слова, написанные на крышечке. Юнона появилась. Она

была точно такой, как на портрете-молодой и красивой. Видимо,, она тоже сразу узнала меня:

–Наконец-то, Елена, как долго я ждала встречи с тобой!
Но мне было не до любезностей.

–Королева, Юнона, извините за грубость, но у меня совсем нет времени, ни секундоочки! Ваш сын Максимилиан...он умирает, или, быть может, уже умер. Он не дышит.

Юнона смутилась.

–Это не правда! В Священном писании сказано, что любовь избранных мужчины и женщины должна пройти три испытания. Измену и силу духа вы уже прошли. Значит смерть-это ещё один уровень.

– Как вы можете так говорить? Ваш сын умирает!

–Всё, что нужно было тебе услышать, я уже сказала.

Юнона начала удаляться в зазеркалье.

– Но как его спасти? Королева, скажите, умоляю.

Она остановилась:

– Символом вашей любви, – и исчезла в голубой тьме зеркала.

Символ любви...символ любви...какой ещё символ. Я даже не знаю, что с ним случилось, почему он не дышит! Джанет говорила, что видела сиреневый свет. То есть Максимилиан сконцентрировал все свои мысли и чувства на чем-то. Я вышла из костра тоже в сиреневой ауре. Но зачем Максус спасти меня? После его измены. Однако, симптомы схожи-лишившись какой-то части своей души, Максимилиан должен

был покинуть этот мир, но не умереть!-об этом написано в книгах отца. Отец. Символ любви. Что-то духовное... Медальон! Но Макс не разрешал мне снимать его с шеи...но если это его спасет...

Думать некогда, я подбежала к амазонкам, которые осторожно уложили его среди зелени и благовоний. Они пели над ним какие-то песни, готовили отвары.

– Масимилиан, милый, в знак любви и верности прими этот медальон и пожалуйста не умирай.

Я надела кулон на него. И буквально через секунду услышала его робкое, срывающееся дыхание. Он воскресал, вместе с ним наполнялась смыслом вся жизнь! Раньше я читала в книгах, что женщина способна убить любимого за измену. Но это неправда! Потому что такое чувство называется ревностью, обидой, как угодно, только не любовью.

Прежде чем Максимилиан открыл глаза, прошло ещё двенадцать дней. Они длились целую вечность! Я ни на секунду не отходила от него, засыпалась рядом с его лицом, изнемогая от усталости и здесь же ела еду, которую мне приносила Джанет. Иногда казалось, что наступало просветление-Максимилиан начинал бредить, о чем-то умолять меня. Вскоре из его бессвязной речи я поняла,

Наконец, к исходу двенадцатого дня он открыл глаза. В тот момент, когда солнце послало свой последний луч на засыпающую землю, я вновь обрела его. И снова в душе вспыхнул яркий свет, появился смысл жизни!

На следующий день он уже смог разговаривать, через два дня шутить, на третий день-научился целоваться. только теперь, вернув, казалось, навсегда потерянное счастье, он стал ценить каждое мгновение, каждый мой взгляд, или слово. прошла ещё неделя, теперь уже больной под моим строгим руководством мог ходить. о том, что случилось, мы не говорили, научились понимать друг друга. теперь меня волновало другое:

– Максимилиан, я что-то не пойму. Сейчас сентябрь, а дождей всё нет, мы же в тропиках, и почему я не встретила за всё это время ни одного темнокожего жителя, если мы почти в Африке?

– Малыш, а тебе что, не нравится? Ведь последние несколько дней мы были по-настоящему счастливы! – после этих слов Максимилиан поцеловал меня так, что я действительно подумала, что в конце-то концов надо дать себе хоть какой-нибудь отпуск, но проблема тем не менее меня беспокоила. Когда Наполеона Бонапарта сослали сюда, он писал, что не может найти здесь ни одного деревца, а тут джунгли-могла ли так сильно измениться растительность?

– Ладно,, Алёнка, – протянул Максимилиан, ты победила своими железными доводами мою легкомысленность. – Макс стал всё чаще подслушивать мои мысли, боясь, что я опять начну сомневаться в нём.– Ещё один поцелуйчик, и мы пойдём к Джанет узнавать, в чём тут дело?

Он подставил свои пухлые губки, казалось, словно создан-

ные для этой цели, и хитро прикрыл глаза.

Но мне захотелось поиграть с ним. Моя рука скользнула по его открытой груди (рубашка была не застёгнута) и почувствовала, как по его телу пробежали горячие искорки. Мне нравилось зажигать его одним прикосновением. Я дотронулась до его давно не бритой щеки губами и села на колени.

– Осторожнее, – сказал он, – так ты можешь свести меня с ума.

Со времени нашей ссоры Макс не пытался перейти к каким-то более серьезным отношениям, чем те, которые у нас были. Он боялся напугать меня, поэтому и пускал всё на самотёк. А теперь, когда он смотрел на меня своими ошалелыми глазами, узнавала в нём прежний древний огонь, чувствовала его страсть, дикую и необузданную и...неудовлетворенную.

–Пойдём, – тихо сказала я.

Макс не мог меня так отпустить, не мог даже ответить, а лишь прохрипел что-то невнятное, после чего я взяла его за руку и заставила встать.

Джанет мы нашли в кастовой пещере. Она собирала ценную породу и священную воду. Вообще амазонки были очень деятельными личностями. И Джанет я никогда не видела без работы. А вот, когда мы рассказали ей, что нас привело к ней, девушка смутилась, прекратила работу. она колебалась, а потом, будто приняв внутри какое-то важное решение, повела нас с Максимилианом вглубь пещеры, где начала своим

тихим голосом говорить такие вещи, что я даже пожалела, что начала распутывать этот клубок.

– Вы видите этот синий камень, – она показала на углубление в стене, но в темноте его было сложно разглядеть. тогда Джанет зажгла не известно откуда взявшийся факел, и я увидела ослепительное синее сияние.

– Как красиво... – зачарованно произнесла я.

– Теперь он ваш. Вы прошли все три испытания амазонок. Внутри камня выгравировано имя, которое вы будете должны написать в монастыре на острове Святой Елены, чтобы получить кристалл.

– Разве мы не на Святой Елене?

– Нет. Дело в том, что все, кто путешествует через время и пространство посредством мысли, попадают к нам в параллельное изменение. Флиц-Мейджи и её народ не знают этого и живут обычной жизнью, но отец рассказал мне про альтернативное измерение, а теперь я рассказываю о нём вам. Когда-то очень давно призраки Зазеркалья прошли все испытания амазонок, и мы обязаны были отдать им синий камень, но, когда они завоевали Афэллу, один из ключей освобождения планеты остался у нас. второй красный камень тоже у вас – он вставлен магический медальон королевы Юоны. У амазонок есть легенда, что однажды придут мужчина и женщина с сиреневым медальоном и дадут жизнь давно заснувшему Богу Огня. Легенда говорит, что он погубит нашу деревню, пощадив при этом людей, и, что после великого бед-

ствия настанет великое возрождение амазонок. Мы станем непобедимыми.

Сказав это, Джанет, неожиданно вскочила и побежала из пещеры, бросив нам лишь: "Меня зовут!"

– Ну что ж, Алёнка, давай забирать нашу награду, – сказал Максим.

Но как он ни старался камень не хотел оставлять родную стену. Я подошла к Максимилиану. Зрелище, которое представало моим глазам, не поддавалось описанию. Камень вдруг засиял ещё ярче, медленно отсоединился от скалы, пролетел несколько сантиметров и послушно лег в углубление на медальоне.

– Все тебя любят, – обиженно произнес Макс. – Но не успел он закончить последних слов, как опять послышался какой-то грохот.

– Где-то я уже видел это... – тихо сказала я.

–Бежим скорее. Начинается землетрясение, как в Пятигорске, помнишь?

–Нет, – я почему-то не двигалась, – проснулся Бог Волн-Вулкан.

Не имея больше времени на разговоры Максимилиан схватил меня на руки и вынес из пещеры.

–Нужно немедленно улетать отсюда, – сказал он.

–А как же амазонки? Там моя сестра...

В этот момент раздался взрыв. Вначале небо над островом стало серым из-за миллиона песчинок, брошенных из

недр земли Богом Огня, а потом, когда земля под ногами зашаталась, из кратера потухшего вулкана вырвались первые потоки лавы, камни полетели во все стороны.

–Нет времени!– закричал Макс.

–Это наш долг.

–Но ведь они чуть не погубили нас! Ладно! Скорее в деревню.

Прибежав на поляну, мы увидели диких женщин на коленях. Они преклонялись перед величием стихии.

–Быстро! Всем повторять за мной, – закричал Максимилиан.

Женщины не поняли.

–Говорите то же, что говорит белый человек, – приказала Мейджи.

Первый поток раскаленной черной породы не достиг деревни амазонок, но в любой момент вулкан мог исправить эту ошибку. Словно заклинание, способное спасти их жизни (то, в общем-то, так и было) аборигенки твердили:

"Аден, Кассиопея, мигма. джед-де-звезд, илу сидум тартанелла."

Я вновь увидела яркий сиреневый свет пространства, а за спиной под воду погружался остров амазонок с озером счастья. Что-то ждёт их впереди?

А впереди ждали горы. Теперь Максимилиан перенес нас, вероятно, в третье параллельное ирение, где-то в Тибете.

Королева поблагодарила нас, быстро простившись, и повела свой народ в леса, провожая взглядом женщин, лишившихся своего дома, своего острова, я спросила у Макса:

– Они все умрут, да? Другой климат, другие законы...

Максимилиан обнял меня за плечи.

–Флиц-Мейджи-их вождь, и она сделает всё, чтобы эти женщины выжили. Вирнилла – хороший врач. Я думаю, что у амазонок всё будет хорошо. Помнишь, слова про возрождение. Ведь легенда почти сбылась. Пойдём.

–А куда? Почему именно в горы, Максимилиан? Мало нам было приключений с тропиках? Да и потом тут холодно...

–Секундочку.

Макс закрыл глаза, напрягся, и через минуту передо мной стоя зеркальный купол лаборатории. А внутри... тепло, душ, свежая одежда, цивилизация!

–Я тебя люблю!– восхищенно произнесла я.

–Никогда не сомневался.

Для того чтобы отдохнуть, выспаться и отчасти привыкнуть к горному климату Максимилиан дал мне целых два дня. После душных, жарких тропиков, горы показались мне раем. Впрочем, ненадолго, потому что спустя двое суток я заболела неизвестно чем. Ещё бы такой резкий скачок из умеренного пояса почти на экватор, а потом на высоту 5000 метров – никакое здоровье не выдержит. Макс почему-то не реагировал на изменение климатических поясов. Однако,

болела я всего лишь сутки, потому что нежность и забота моего спутника, а какое-то чудотворное, изобретенное им средство окончательно восстановило мои силы. В последствии Макс продолжал давать мне это лекарство для акклиматизации организма к высоте.

И вот на утро следующего дня, когда осеннее солнце осветило ослепительные белоснежные вершины, мы тронулись в путь. впереди нас ждал труднейший подъем на пятитысячник. Максимилиан рассказывал мне, что по идее мы должны располагаться в Большом Тибет, где по преданиям хранился третий клюк монастырю на острове Святой Елены.

– Дело в том, что именно тибетские монахи первыми после смерти Адама вновь обратились к зеркалу. Но могущество интеллекта было уже утрачено человечеством, поэтому эти люди порой целую жизнь проводили, чтобы однажды войти в Зазеркалье. Они не перемещались в пространстве с помощью зеркал, сохраняя легенду

о том, что произошло с нашими предками, они просто узнавали будущее.

– Максимилиан, в горах не следует много говорить – иначе ты слишком быстро устанешь, тем более с рюкзаком за плечами.

У нас не было никакого транспорта для такого путешествия, поэтому приходилось рассчитывать только на свои собственные силы.

– И ещё. ты хотя бы знаешь, куда идти точно?

– В Священных текстах сказано о монастыре Лонгдо. думаю добраться именно туда. этот храм стоит где-то в ущелье на высоте двенадцать тысяч футов с небольшим – как говорится очами в небо. И ещё я привык доверять своей интуиции. Она привела меня к тебе, она перенесла нас сюда. или ты сомневаешься, то мы идём в верном направлении?

– У меня просто нет выбора. И кстати что за священные тексты вы с матерью всё время приводите мне в пример?

– Это почти что Библия только на нашей планете. Если понять и досконально изучить их, можно предсказать всё, что угодно.

– Ну и что в них сказано о нас? Мы поженимся?

– Неужели тебе нужно знать будущее, не интересно прожить свою жизнь так, как тебе хочется?

– А всё-таки...

– Ну я не скажу тебе.

– Ах ты!

И примерно в таком стиле прошло всё наше восхождение. Мы, не переставая, восхищались красотой гор, не переставая ссорились и мирились. Самое интересное, когда вопрос вставал о ночлеге, оказалось, что у нас только один спальный мешок. А ночи были холодные. Выбора у мен не было. в пещерах, или в расщелинах у едва тлеющего костерка и провели несколько ночей вместе. Ещё одна проблема волновала меня. Уже который раз, нечаянно оглянувшись, я видела за спиной каких-то бродяг. Скорее всего, это были люди

из племени кхамба. Судя по рассказам Максимилиана, мы находились уже совсем близко от их земли. Только винтовка моего спутника отпугивала их. На второй день подъема кхамба значительно осмелели, стали подходить совсем близко. Видно совсем рядом находилось их поселение. К тому же мы достигли высоты порядка десяти тысяч футов. всё чаще в спину дули свирепые горные ветры. лицо приходилось прятать в складках огромного капюшона. ничего вокруг не было видно. Пока меховые куртки из лаборатории Максимилиана защищали нас от пронизывающего холода, но от разреженной атмосферы не спасало ничего. Губы синели, глаза налились кровью, дышать становилось невозможно тяжело. Продвижение шло очень медленно. А монастырь Лонгдо все никак не виднелся впереди.

Глава VII. В плену станы Бод

Кхамба напали неожиданно ночью. Обычно люди этого племени просто грабили иностранцев (о всяком случае так говорилось в записках моего отца), и поэтому я никак не ожидала оглушительного удара по голове.

Очнулась я уже в убогой хижине, связанная в каких-то лохмотьях. Максимилиана рядом не было. Это означало одно из двух. Или он оставался на свободе, что увеличивало мои шансы на спасение, или его держат в другой такой же лачуге отдельно от меня, оставался ещё третий вариант, но я старалась не думать о том, что они могли его убить. Зачем вообще

было меня связывать?

В этот момент входная дверь отворилась. Яркий свет больно полоснул по привыкшим к темноте глазам. Я увидела странную девушку. одета она была бедно, хотя по всему было видно, что она дочь благородных родителей. Она была худая, бледна, с длинными, спутанными волосами. Но странным скорее был её взгляд: отсутствующий, смутный, стеклянный, болезненный. Хотя что-то всё-таки неудержимо привлекало меня в ней: грация движений, казалось, была знакома, и этот незащищенный, хрупкий, миниатюрный силуэт...

Девушка вошла в мою тюрьму с факелом, поставила его к стене и начала развязывать меня. Её руки дрожали, дыхание срывалось:

—Повелительница ждёт вас, Елена.

От её голоса у меня сжалось сердце, в памяти смутной вспышкой блеснула ужасная догадка, страх наполним каждую клеточку моего тела.

—Джейн... Это не можешь быть ты! О, Господи, что они с тобой сделали? Девушка не ответила, а лишь посмотрела на меня своими болезненными, пустыми глазами. В ней как будто умерла душа.

—Идём скорее. Мне нужно торопиться к мужу.

—Ого! К мужу? Ты же амазонка, сестричка.

Та опять ничего не ответила, что при её-то общительном характере вызывало как минимум подозрение. Её как будто подменили.

—А где твои сестры?

Она не ответила.

—Джанет, что с вами случилось?

Молчание.

Мы шли в темноте ночи мимо костров людей этого племени. У них были злые, жесткие глаза. Я их боялась. Наконец, мы с Джанет вошли в дом, явно выдающийся своей массивностью из убогих лачуг рядовых кхамба. Я бы не подумала, что эти бродяги имеют письменность. Домик-дворец состоял из трёх комнат, они были хорошо обставлены: различные безделушки, шкатулки, просто красивые вещи находились здесь в большом избытке. Возможно, всё сверкающее привлекало этих людей. Лучины, если их так можно было назвать, стояли в дорогих подсвечниках из ценной пород дерева, вероятно, они были украдены из какого-нибудь проходившего мимо каравана. В середине основной, как я поняла, комнаты стояли два кресла, олицетворяющих, по-видимому, трон. Никакой особенной закономерности даже в религиозных предметах здесь не было: буддизм смешивался с исламом, конфуцианством и просто я язычеством.

Мои мысли прервал скрип двери. Вели второго пленника. Им оказался Максимилиан. Его бросили так же, как мен на колени. Двое кхамба охраняли нас, а Джанет и ещё одна девушка, приведшая Максимилиана, стояли поодаль.

Я очень обрадовалась, увидев любимого, но его внешний вид внушал мне опасения. На правой щеке алела запекшаяся

кровь, были видны синяки и ушибы. Его пытали. Но зачем?

–Ничего, – ответил он на мои мысли, – знаю, почему мы здесь, и что произошло. Потом расскажу. Если не ошибаюсь, мы будем встречать рассвет вместе.

Застучали барабаны, и в тронный зал вошла женщина в сиреновом пеньюаре, в моём пеньюаре!

Мы переглянулись с Максимилианом. Ещё бы это напомнило нашу первую встречу, когда он буквально упал мне на голову.

Но потом я посмотрела в лицо женщины, укравшей мою одежду. Шок был даже сильнее, чем от встречи с Джанет. Это была Вирнилла. Та самая, которая увела у меня Максимилиана, а потом вместе со мной его лечила, та самая, что встречала меня с повелительницей Флиц-Мейнджи в городке амазонок... Но если она здесь королева, которой повинуется народ кхамба, то где, черт возьми, сама вождь амазонок? И где их о предсказанное возрождение?

–Флиц умерла. Яд.– тихо сказал Максимилиан

Рядом с Вирниллой сел вождь кхамба-невысокий, коренастый мужчина с чёрными волосами и усами.

Он-то и начал говорить первым, а Максимилиан в полголоса начал переводить его слова. всё-таки хорошо, когда умеешь любой язык осваивать в доли секунды.

–Вы пленники Земли Бод (так они называют Тибет). Вы будете здесь рабами до тех пор пока,– Максимилиан запнулся, кинул ненавистный взгляд на короля и что-то грозно про-

говорил ему на непонятном мне языке.

–Что он сказал, Максимилиан, ты не закончил фразу.

Максимилиан поколебался, но всё-таки ответил:

–Он предложил тебе постель. Но не переживай мы найдём выход. Я не дам тебя в обиду.

–Скажи ему, что мы согласны быть рабами.

Макс перевел. В ответ на его слова послышался смех Вирниллы, угрожающий, даже дикий. Вирнилла смотрела на Максимилиана как на свою собственность. Неужели опять он должен будет...

«Король» же посмотрел и сказал сухо:

– Он приказывает нас увезти, – перевел Макс.

–В такой вежливой форме. Ну надо же!

Двое кхамба подошли к нам и буквально вытолкали из дорца, кинув в одной из нищих лачуг. А ночь всё не кончалась.

–И что теперь? – спросила я.

–Смотри.

Максимилиан подвел мен к двери, в которой была проделана довольно крупная щель, окон в жилищах кхамба не было. Моим глазам представилась необычная картина. На краю оврага в форме пятиконечной звезды были разложены костры. Но никаких ритуальных песен не было слышно. В центр этого костра вошёл человек-явно не кхамба. Его возраст было сложно определить. В темноте я лишь рассмотрела его красивое лицо, черные волосы и бород. Одет он был в длин-

ный халат чёрного цвета, вышитый алыми и золотыми драконами.

– Это жрец монастыря Лонгдо. Я часто с ним разговаривал в мирное время.

– Не знала, что монахи так броско одеваются, – пошутила я.

– Сейчас он – наместник Зазеркалья в Стране Бод. Возможно, его изгнали из монастыря.

Тем временем в центр звезды вошла девушка в длинных белых одеждах. Её лицо было скрыто под капюшоном. Девушка несла огромную золотую чашу. При свете костра было видно, что жрец что-то приказывал ей, но слов мы не слышали. Потом мужчина встал, а девушка села на землю и наклонилась над чашей. В этот момент все, кроме неё вышли за пределы звезды. Ещё через мгновение белоснежная фигура неожиданно выпрямилась во весь рост и скинула свой плащ. О Господи! Этой женщиной была Джанет. Разум понимал, узнавал её рыжие локоны, теперь почему-то потерявшие свой природный блеск, её робкое миниатюрное сложение, но я отказывалась верить в это. Обнаженная девушка стояла с поднятыми вверх руками и опущенной головой, потом вдруг закружилась на одном месте с дьявольским смехом. В этот момент сверкнула молния. На секунду я даже подумала, что она попала в Джанет, потому что она резко остановилась, произнесла какое-то слово и упала на землю без чувств.

Костры потушили перед восходом солнца, люди разбрелись. Может быть, и нам стоило отдохнуть после такой бурной ночи, только там, на мокрой земле, лежала моя сестра, брошенная всеми и, возможно умирающая. Не могла допустить этого.

– Макс, скорее, давай же выломаем дверь, она здесь такая слабая. Нужно спасти Джейн. Помоги мне!

Я пыталась взломать дверь, а Макс стоял неподвижно. А потом вдруг с лёгкой улыбкой подошёл ко мне:

– Можно?

Я отошла, пропуская его вперед. Максимилиан осторожно коснулся двери, и та открылась сама.

– Как ты это сделал?

– У нас с тобой не слишком много времени на вопросы.

– Ты прав.

– Я всегда прав. Прошу, – он пропустил меня вперед, как самый галантный мужчина на свете.

Но мне было не до манер. Ни охранников, ни вообще людей племени кхамба не было видно поблизости. Мы с Максимилианом метнулись к Джанет. Она всё ещё была без сознания.

– Давай заберем её в нашу хижину.

– Ты с ума сошла?

– Макс, мы не можем поступить по-другому, она моя сестра.

– Ладно.

Макс взял Джанет на руки и понес в лачугу.

–Джейн, Джанет, Женечка, пожалуйста, очнись.

–Лена, ты не будешь ревновать, если я сделаю ей искусственное дыхание?

–Конечно, нет. Если она откроет глаза, я сделаю для тебя всё, что захочешь.

Но он уже не слушал меня. Ни пощечины, ни массаж сердца не заставили Джанет открыть глаза. Она дышала, но была в коме.

–Помоги мне, – кратко сказал Макс.

Мы уложили девушку опять-таки в положении пятиконечной звезды, прикрыв её наготу белыми тряпками.

–Медальон.

Я сняла и подала его Макс.

–Лена, я же просил тебя не снимать его никогда...

–Но от этого зависит жизнь Джанет.

Он промолчал.

–Будем надеяться, что связь между вами достаточно сильна. Давай сюда свою рубашку.

–Но Макс!

–Снимай. Я уже всё видел.

Я расстегнула пуговицы и отдала свою блузку Максимилиану, который быстро накинул её на плечи Джейн. Он мельком оглянулся:

–Ух ты! Неплохо!

–Смотри на неё, а не на меня.

–А теперь главное, – Макс достал серый порошок, – стащил у Вирниллы при нашем последнем свидании, пояснил он, – отличная штука.

Сказав это, он взял голову Джанет в свои руки, начал впитывать в виски:

– Сконцентрируйся, – громко сказал он мне, – возьми её за руку и думай об отце, о ней, о хорошем! Расслабься, твое энергетическое поле мешает мне!.. Кажется, получается, давай же, Джейн.

И действительно через мгновение Джанет с трудом открыла глаза. Их цвет потряс меня до глубины души. Вместо темно-зеленых они превратились почти в прозрачные, волосы как будто полиняли, поседели. Если при первой нашей встрече я не могла дать ей больше 16-17 лет, то теперь Джанет напоминала женщину бальзаковского возраста, и это за три дня. Что могло произойти с амазонками?

–Сестричка, что с тобой? Джанет, ты слышишь меня?

– В День Белого Лотоса. В День Белого Лотоса. В День Белого Лотоса.

–Максимилиан, что с ней. Какой ещё Лотос?

–Как он мог? Без подготовки! Ведь девушка могла умереть.

–Макс, о чем ты говоришь? Я вообще не понимаю.

После этих слов Максимилиан, ходивший всё время по комнате после того, как Джейн открыла глаза, остановился, присел и обнял меня, потом вдруг отстранился и серьезно

сказал:

–Лена, послушай меня внимательно. Жрец Чханг после изгнания из святого монастыря Лонгдо подчинил себе племя кхамба. Он подчинил себе амазонок, ничего не смыслящих в тибетской магии. Флиц-Мейджи умерла. Чтобы амазонки стали слушаться его, он поженил Вирниллу, отравившую королеву, и местного предводителя. Но самое страшное ждало твою сестру. Она представляла для Чханга источник энергии. Он подавил её инстинкты, темперамент, похитил её душу.

–Что ты такое говоришь? Этого не может быть, это сказки, дурная шутка, да? Джейн, скажи, что это не правда!

–Это правда. Твоя сестра не ответит тебе ничего, кроме «В день Белого Лотоса», она даже не узнает тебя. Чхангу не терпелось использовать весь её потенциал, он не стал готовить девушку постепенно, как того требовали священные тексты.

–Но зачем?

–Вероятно, он так стремился узнать то, что только что сказала нам Джанет. По легенде талисман жизни должны однажды забрать мужчина и женщина в золотом плаще. Талисман Лонгдо в монастыре Лонгдо – всё равно что корона в Священной Римской Империи. Если она есть у тебя, значит ты верховный лама, значит, ты можешь проникнуть в Зазеркалье, узнать все секреты магии тибетских мудрецов и, наконец, прочитать Книгу Мертвых, которую написали наши

предки тысячи лет назад-именно в ней есть ответы на все вопросы Вселенной, которые не знает никто из ныне живущих. А знание-это сила, понимаешь, борьба за власть...

–Я правильно понимаю, что этот камень – не достающая часть моего медальона?

–Да, так и есть. Кажется, Джанет приходит в себя. Нужно ей помочь.

–Максимилиан, а почему бы нам втроем не сбежать отсюда?

–Завтра ночью, но не сейчас. Твою сестру нужно спрятать, скоро придут кхамба за тобой и твоим решением. Помнишь этого шута на троне? Лена, продержись до утра, а там-свобода!

Мы перенесли Джанет в дальнюю часть лачуги и спрятали её среди старых вещей и всякого хлама.

–Твоя сестра проспит весь день. Ей нужно отдохнуть, как, впрочем, и нам с тобой. Да и потом, кое-кто обещал мне «всё, что угодно, если Джанет откроет глаза, она их открыла, между прочим. А я хочу немного...

Максимилиан обхватил мою талию и поцеловал в губы. Прозрачная ткань лифона не была серьезным препятствием, а рубашку я так и не успела надеть. Я почувствовала сначала его грудь, голова пошла кругом, то-то жгло меня внутри и так просилось наружу, потом его руку, сжимающую и глядящую сосок. Я практически не могла контролировать себя, не знаю, что б произошло, если бы в этот момент не открылась

бы дверь в нашу хижину. Два бродяги, стоявшие на пороге, переглянулись, усмехнулись и что-то сказали друг другу.

–Что они говорят? – осведомилась я, выбираясь из объятий Максимилиана.

–Тебе лучше не знать.

–И всё-таки?

–А ты не догадываешься? Лучше накинь вот это, – он надел на мои плечи свою белую рубашку, а потом уже не издававшимся, а ласковым точно прибавил:

–И не забывай меня, любимая, – чмокнул меня в губы, в груди остро кольнуло плохое предчувствие, как будто это в последний раз.

Кхамба действительно привели меня к своему вождю, но теперь Вирниллы рядом с ним не было. Местного (китайского вперемешку с каким-то диалектом) языка я не знала, поэтому о каком вообще диалоге можно было вести речь? Мои сомнения разрешил высокий мужчина с узкими глазами, чёрными, как смоль волосами и бородкой, вынырнувший из-за занавески. Это был Чханг. Он начал разговор первым:

–Приветствую Вас, Елена. Честно говоря, я восхищен вашими подвигами в Пятигорске и на острове амазонок. Можете не спрашивать меня, откуда я знаю всю вашу биографию так подробно, я отвечу сам – я генерал армии, против которой вы сражаетесь. Как жаль, что вы сделали неправильный выбор, а ведь такая красивая девушка...

Тут в монолог вмешался вождь недавних бродяг а ныне

ещё и воинственного племени амазонок, настоящим властелином которого был жрец Чханг, он-то и переведи мне слова вождя, добавив кое-что от себя:

—Этот идиот спрашивает, согласитесь ли вы стать его наложницей. Вы, избранная для спасения Зазеркалья. Но есть и другой вариант: вы приносите из монастыря Лонгдо третий талисман, за что и получаете свободу с разлюбленным сыном Юноны. Ваш медальон мне не нужен, пусть уж Юлиана охотиться за вами, а не за мной. Мне нужна лишь только власть в маленьком монастыре. Идите сюда, я покажу вам его.

Чханг хлопнул в ладоши, и в комнату внесли золотую чашу, ту самую, в которую смотрела Джанет. Её поднесли мне, но я жестом отказалась в неё смотреть.

—На карту поставлена не только ваша жизнь, но и жизнь Максимилиана, и Джанет. Сын Юноны, возможно, рассказал вам про мою власть над вашей сестрой, он сказал, что я женат на ней?

—Ого! Амазонки ведь дают обеты...

—Должен вас разочаровать, супружеские обязанности отнимают слишком много энергии.

—Несите чашу, — отрезала я.

Какой-то инстинкт внутри меня сопротивлялся этому. Как будто непонятная сила сил запрещала мне смотреть в эту чашу, но ради двух самых дорогих для меня людей в мире я заставила себя заглянуть внутрь неё.

Но сделав это, я не стала жалеть, или плакать, радовать-

ся, или обижаться, потому что то, что я увидела, заставило меня забыть обо всём на свете. Там, внутри золотой чаши была тьма. Столь страшного зрелища я не видела никогда в жизни. Она поглощала всё, в том числе остатки моей памяти, разума, души. Вдруг я ощутила прикосновение длинных пальцев к моим волосам, Чханг втирал в виски серый порошок и тихо говорил, растягивая слова:

–Как тебя зовут?

–Не знаю.

–Тебя зовут Елена. Повторяй, Елена.

Я повиновалась ему во всём.

–Я твой друг. Я хочу, чтобы ты увидела монастырь Лонгдо. Возьми в руки статуэтку, вон ту (он дал мне в руки какую-то деревянную фигурку) и попробуй найти внутренним взглядом то место, откуда она.

Я всё ещё продолжала бессмысленно смотреть в чашу с чёрной жидкостью. И вдруг моя мысль помчалась в горы, и золотые купола монастыря Лонгдо заблистали на одном из живописных утёсов. Я увидела убранство комнат, статуи Будды на белокаменных постаментах. Я не знала, не видела и не слышала ничего, кроме того, что говорил мне жрец. Однако, отвечала я голосом кого-то другого, стоящего гораздо выше Чханга, Юноны, выше добра и зла, моим голосом вещало некое высшее существо, или сущность, и это были именно те слова, которые должны были прозвучать.

Вдруг голос Чханга прервался. Мою грудь что-то жгло,

какая-то сиреневая штучка, пыталась понять, вспомнить, что это, но не могла. Моя память состояла из миллионов мельчайших картинок, лежащих рисунком вниз, иногда они неожиданно переворачивались, выдавали какие-то образы, но тут же забывались. И вот, руки друга с черной бородой отпустили мои виски. Чханг разговаривал с каким-то молодым человеком без рубашки. Он был очень красив: черные волосы эффектно окаймляли его удивительные карие глаза. С мужчиной была рыжеволосая девушка. Но её, как и человека без рубашки, пришедшего с ней, я не могла разглядеть, потому что всё, что я видела, было расплывчатым, словно доносилось до меня издали через плотную пелену. Знаю только, что красивый мужчина подошёл ко мне, начал что-то говорить, трясти за плечи, показывать сиреневый диск у меня на шее-то, так это он жег мою грудь. Но я не понимала, что хотел этот молодой человек. И вдруг я ясно услышала приказ Властелина убить его. Какой-то инстинкт внутри меня сопротивлялся этому, но я была обязана исполнять приказы повелителя. Мужчина поцеловал меня, я обвила его шею руками, он успокоился, что-то сказал (я не понимала его слов), воспользовавшись моментом, я начала его душить. От неожиданности он сориентировался не сразу, а когда пришёл в себя, резко оттолкнул меня. Но сдаваться я не собиралась, вновь ринулась на противника-цель, начала с ним драться так, как приказывал повелитель. Я чувствовала, что мой соперник сильнее меня, девушка, которая пришла с ним, то-

же помогала мне. Он мог победить нас обоих, но почему-то не делал этого, и каждый раз, нанося удар, как будто жалел об этом. Наконец, отбросив меня и рыжеволосую девушку, мужчина побежал к повелителю, схватил золотую чашу, в которую я только что смотрела, и начал выливать её содержимое на Чханга, при этом в руке держа небольшой блестящий предмет, отражающий лицо повелителя, жидкость вытекала медленно, во всё это время мы с той второй девушкой, не могли и пошевелиться. Перед глазами всё поплыло, погрузилась в забытье.

Я открыла глаза из-за прикосновения какой-то холодной вещи к моим вискам. Я лежала на руках у Максимилиана, а Джанет осторожно прикладывала лед к моей голове.

Увидев, что я очнулась, Максимилиан ничего не сказал, просто поцеловал меня. И в этом поцелуе было всё. Всё, что он чувствовал, всё, чего не мог бы выразить ни один, даже самый совершенный язык.

– Тебя не было в сознании целых десять часов, – добавила Джанет, – Алёна, огромное тебе спасибо, что не бросила меня, ведь после смерти матери я осталась совсем одна. Только вы с Максом есть у мен. Как же хорошо, что с тобой всё в порядке.

– Где Чхаа... анг, – еле слышно спросила я.

– В Зазеркалье, – спокойно ответил Максимилиан, – жалко, что ты пропустила это зрелище, когда он превратился в чёрный дым и уходил в вечную свою тюрьму. Он не сможет

оттуда выбраться, я обещаю.

–Максим, у тебя царапина на щеке. Наклонись.

–Одна дика кошка, едва не удавившая меня, оставила небольшой шрамик...

Я не дала ему закончить, потому что поцеловала его так, как только могла, вложив в этот поцелуй всю свою душу. Он опять спас меня. Он и Джанет-моя семья, моё сокровище. И над головой снова светит яркое солнце и опять всё хорошо...пока.

Глава VIII. Ревнивые тропы Тибета

Я поправлялась на удивление быстро. Максимилиан говорил, что это происходит оттого, что я была в трансе всего лишь три дня. Я не могла ему поверить, ведь мне казалось, что жрец Чханг владел моей душой более получаса.

–Тебе легко говорить, – однажды после очередной дискуссии на эту тему обиженно сказал Макс, – целых долгих три дня и три ночи я не видел тебя, не слышал твоего голоса, не знал, что случилось. Джанет сказала, что т стала второй женой вождя племени кхамба. Элен, ты хотя бы представляешь, что мне пришлось пережить з эти три дня?!

–А ты ревновал, – спросила я, подсаживаясь ближе к нему.

–Я доверяю тебе, поэтому никогда не буду ревновать. Обещаю.

–Ну хот бы чуть-чуть? Ведь ревнует-значит любит, ведь

так?

–А с чего ты взяла, что я люблю тебя? – проговорил Максимилиан, соблазняяще глядя на меня своими красивыми, полуприкрытыми, каре-сиреневыми глазами.

–Ах, так значит?!

–Я тебя люблю, я тебя люблю, люблю, Элен.

–Ты не говорил мне этого целых три дня.

Максимилиан поцеловал меня, и этот поцелуй окончательно исцелил меня.

А впереди предстоял ещё более трудный и опасный путь. Я не оглядывалась больше назад, в прошлое, потому что знала, что теперь всё хорошо. Джанет по праву рождения стала предводительницей амазонок. После выпавших на её долю испытаний, моя сестра стала намного увереннее в себе, она очень изменилась и повзрослела. Теперь у амазонок был сильный вождь, способный защитить их. Призраки Константина, Ольги больше не мучали меня, они тоже безвозвратно канули в тьму прошлого. Лишь одно обстоятельство заставляло вновь и вновь меня возвращаться назад. Это были мои сны. Когда ночь спускалась с горных вершин в маленькую деревушку, меня начинали преследовать демоны. Они врывались в мои сны, в мои мысли, делали кошмарными мгновения моего существования. Днём я не видела их. Панический страх перед темнотой делал меня неуравновешенной, нервной. По вечерам я слышала завывания ветра и знала, что они приближаются. А потом опять чёрная мгла, сияющие купола

монастыря Лонгдо и лицо жреца, лицо повелителя. Я знала, то Джанет мучают такие же видения, знала, что «похититель душ» не оставит нас до конца. Максимилиан пытался мне помочь и помогал. С ним я чувствовала себя увереннее, казалось, объятья любимого человека защищали меня от горных демонов, но не избавляли от них.

В земле Бод нам пришлось задержаться ещё на десять дней. По разным причинам, но, прежде всего, из-за моей болезни, именно болезни, потому что я отказывалась верить сказкам кхамба о демонах, тем более, что они чего-то не договаривали. Но однажды всё изменилось. В нашу деревню зашел буддистский монах из храма Джихенкель, что на севере земли Бод. Он совершал священное паломничество и шёл далеко на юг Тибета. Это был человек лет тридцати-сорока. Когда-то его звали Адрианом, и жил он в далёкой, туманной Англии, но однажды что-то произошло, именно это что-то привело его в Тибет и заставило изучать магию. Максимилиан хорошо знал человека, которого все звали Якушуа, или Мудрый Медведь. Он был хранителем библиотеки древних тибетских мудрецов, он знал очень и очень многое, и он пришёл в деревню кхамба, чтобы лично поприветствовать избранных, то есть нас. Якушуа научил нас многому, он рассказал всё о жрице Чханге и показал, как нужно делать ловушки для демонов, присылаемых из Зазеркалья, он практически излечил меня и Джанет. Но одно обстоятельство не давало покоя. В последнее время мне не нравилась моя сест-

ра. Она всюду следовала за Якушуа, ловила влюбленными глазами каждый его взгляд, каждое слово. Джанет полюбила Мудрого Медведя, полюбила первый раз в жизни и, быть может, навсегда. Но он был монахом. Ещё в молодости Адриан отрекся от женщин и от любви так же, как отеклась от земных чувств Джанет. У них было много общего. Кроме того, влюбленная девушка восстановила свою природную красоту. Уж не знаю, как ей это удалось, но Джейн опять выглядела молодой красавицей. Любой мужчина, даже самый святой, не мог не понять и не оценить её красоту. К тому же в ней проснулось женское обаяние, ум, кокетство. В общем всё, что так нравится мужчине в девушке. Мне даже казалось иногда, что Якушуа смотрел на неё не просто восхищенно, слушал рассказы об амазонках, подвигах и наших приключениях, но и задумчиво, грустно. Как ни старался Медведь сослаться на свои годы объясняя этим невозможность возникшего между ними чувства. Он заболел любовью всё больше и больше. Джанет могла, умела нравится, она была бы идеальной женой для такого человека, как Якушуа, да и пост не обязывал Медведя не иметь семьи. Но что-то опять должно было стать между ними. Какие тайные причины заставляли такого мудрого мужчину, разглядевшего в Джанет бесценный вклад, отказаться от неё, было не понятно.

Я знаю только, что однажды ночью ко мне ворвалась Джанет вся в слезах, и ещё долго-долго плакала она у меня на руках, прежде чем тихим голосом сказала:

– у Конх-реки (горная речка к востоку от селения) я сказала Якушуа, что Джанет любит Мудрого Медведя. Но он отвечал, что не может впустить меня в свою жизнь, в свои странствия, что я нужна племени амазонок, потому что я – их вождь, сестренка опять заплакала у меня на плече, но вдруг лицо её стало серьёзным. Она поднялась. Вид её пугал меня: в глазах светилась ненависть, холодный, злой блеск. Она сказала так, и слова эти я запомнила на всю жизнь:

–Я амазонка, сильная женщина, вождь племени, и я не позволю какому-то жалкому, слабому мужчине унижать меня.

Джанет вдруг рванулась к двери и выбежала из дома. Вот он образец женской гордости, вот тот идеал, тот характер, которого так не хватало мне. Ночная тьма поглотила Джанет. Нет, она не пошла спокойно спать, она отправилась в лес, в горы, чтобы разделить своё горе с природой, вылить из своей души отравляющее вино ненависти, злобы. Она не простит Якушуа, но и не будет мстить ему, как этому её учила мать.

На следующее утро хранитель священных текстов ушел. Вот что она сказал нам перед тем, как продолжить своё странствие:

–Елена и Максимилиан, вы пойдёте горной тропой к монастырю Лонгдо. По пути вы встретите человека, нуждающегося в помощи, и поможете ему, вы утолите его жажду и приведете в святой монастырь вместе с собой. Джанет, – он обратился к моей сестре, – ты тоже поведешь свой народ в

монастырь, только за его стенами амазонки обретут счастье и безопасность. Но не должны вмешиваться в ход событий. Избранные должны сами пройти испытание и исполнить пророчество.

—Опять испытание? Сколько же можно? — не удержалась я.

—Сколько нужно, — ответил Якушуа и продолжил, — вы вновь встретитесь в белом аду у высокой горы Джун-Чунгур, упирающейся в небо своей головой. А через семь дней и десять ночей, в День Белого Лотоса найдёте храм Лонгдо в золотом плаще.

—Мудрый Медведь, что такое День Белого Лотоса?

—Это день смерти Елены Блаватской. Она, как и ты, была избрана для борьбы с Зазеркальем, но Филипп, твой брат Максимилиан, выбрал Агнессу, он ошибся, за что и был наказан пленением.

—Опять Елены, — усмехнулся Макс, — прямо-таки магическое имя.

—Прощайте, дети мои. И д поможет вам, Всемогущий Будда. Прощай, Джанет.

Но девушка не ответила на его нежный, долгий взгляд.

Якушуа не был перед ней ни в чём виноват, но гордая амазонка не простила его за слабость-он не смог пойти против (как потом выяснилось) своего прошлого ради любви, не стал сражаться за неё и потому получил одно презрение взамен счастья.

Так, или иначе, Якушуа ушёл, и нам тоже предстоял по-

ход, гораздо более трудный, ем тот, который мы уже преодолели. При одном взгляде на отвесную горную стену меня охватывал ужас, тоненькая тропинка поднималась очень круто, местами она терялась, заваленная каменными глыбами, а потом вдруг вновь появлялась в совсем неожиданном месте.

Впрочем, каменные выступы мы встречали не так уж часто, потому что наш винтообразный путь проходил по бескрайнему лесу, облюбовавшему эту вершину. По идее Лонгдо должен был располагаться в одном из ущелий, но на какой именно вершине? И есть ли приличный перевал в этой местности? Господи, подумать только, ещё пару месяцев назад я была обычной девушкой, только из книг знающей такие слова, как «вулкан», «перевал», «амазонки», ещё вчера я отрицала маги и жизнь на других планетах, а нынче я почти супермен, с легкостью преодолевающий любые препятствия.

Правда, теперь у нас с Максимилианом имелось целых две лошади. Пони были не большими, но очень выносливыми. К тому же в них чувствовалась порода и темперамент, уже по гордой осанке и благородному шагу мы догадались, что эти лошади не принадлежали кхамба, вероятнее всего, они были отбиты у южного каравана, направляющегося в Китай. Чёрную кобылу с белой звездочкой во лбу мы назвали Мартой, а жеребца, ужасно похожего на свою подругу, только с длинными белыми носочками – Ветром.

–Когда у нас будет сын, – однажды сказал Максимилиан, –

я хочу, чтобы у него был такой же характер, как у Ветра.

Удивления моему не было предела. Впервые Макс говорил о нашем совместном будущем, более того – о семье, детях. К тому же сравнивал сына с лошадю. Но как же сильно я удивилась, когда поняла вдруг, что я действительно никогда не задумывалась о браке, хотя осознавала, что люблю больше всего на свете этого мужчину.

Была воспитана в добропорядочной семье и не представляла себя в роли любовницы, хот по идее дело шло к этому. Максимилиан говорил когда-то про «космическую свадьбу», но, во-первых, это было так давно, а во-вторых, мы давно забыли про это. Мне, конечно, было приятно, что он хот б имел серьезные намерения, но почему же я вела себя так? Да и какая в космосе разниц, есть ли у меня штамп в паспорте, или нет?

Однако, на восходе солнца следующего дня мы на маленьких черных лошадках отправились в поход. Петь предстоял первые два дня гористый. Мы должны были пересечь вершину Чарангуа, а потом на высоте 10 тысяч футов расстилась обширная горна равнина, что встречалась очень редко в Тибете, а потом, согласно карте, оставленной нам. Именно перед этим восхождением на эту высоту мы должны были воссоединиться Джанет. Но перед этой встречей должно быть ещё одно испытание, интересно что это? И чью это жажду мы должны будем утолить? Ответы на мои вопросы м получили очень скоро. а начиналось всё так...

День был серым и пасмурным, к тому же холодным. Мы шли на лошадях рысью, боясь не успеть в хижину, отмеченную на карте крестиком, до начала дождя. Уже слышались раскаты грома. Максимилиан ехал значительно быстрее меня, отставала. Неожиданно Марта, как мне показалось, спотыкнулась, заржала и упала на одно колено. Я с детства была в седле, на тренировках по конной езде умиряла самых строптивых жеребцов, поэтому от первого толчка я не упала на землю.

Но произошедшее было так неожиданно, что я соскочила с седла, даже не успев позвать на помощь Максимилиана, да и вряд ли бы он меня услышал. Подбежав к лошади, я увидела кровь и осколки пули в её левой ноге. Но кто? Потом послушались ещё выстрелы. В панике я не могла различить силуэты и откуда именно раздавалась стрельба, но пули свистели над головой уже совсем близко. Потом толчок, и что-то тяжелое упало на меня. Когда я открыла глаза, то увидела короткие, вьющиеся волосы и смеющиеся, синие мужские глаза, но это был не Макс! Я ощутила горячее прикосновение. Это была кровь человека, спасшего мою жизнь. У него была ранена левая рука.

—Юная леди, — начал он по-английски, — не изволите ли объяснить, что вы делаете одна без сопровождения на краю света в глубине азиатских гор? Вы археолог?

—Нет, — начала я, оправляясь от испуга, — а насчет сопровождения... вот оно, — произнесла я на неплохом англий-

ском, показывая на Максимилиана, примчавшегося на выстрел сюда. Он стоял неподвижно, уставившись на одну точку и не произнося ни слова. Я проследила за его взглядом и, кажется, поняла причину его беспокойства: человек, спасший меня от выстрела, ещё находился на мне, и его лицо было очень близко к моему. Тем временем выстрелы утихли.

–Кхамба никогда не вели себя так агрессивно, – произнес мой спаситель, очевидно также поняв ситуацию, и поднимаюсь с земли, – очень странно, что они на вас напали с оружием.

–А вы кто, собственно говоря? – спросил, не церемонясь Максим, что, впрочем, не было на него похоже.

В жизни Вэд, а вообще Вадим Орлеански. Я путешественник, если хотите, направляюсь в святой монастырь Лонгдо, чтобы написать о нём рассказ. И к тому же изучаю тибетскую магию, – сверкнул он саркастической улыбкой, – а вы кто?

–Меня зовут Елена, – с радостью продолжила я, чувствуя некоторую разрядку атмосферы, – больше спасибо вам Вэд, – я попыталась соблюсти этикет с особой вежливостью, – за моё спасение. Я вижу у вас кровь?

–А пустяки, царапина.

–Если позволите, я перевяжу вам её, – сказала я, открывая аптечку, хранящуюся в моём рюкзаке. Нужно было отвлечь его чем-то, пока я буду вытаскивать осколки пули кхамба из его руки. – А вы из Англии? Так хорошо говорите без акцента.

–Нет, я родился во Франции, в Лотарингии, знаете, наверное, такой регион?

–Да-да, конечно. А мы из России. Макс, принеси чистой воды из ручья, он там – указала я налево, – он совсем недалеко.

Было видно, что моя просьба не пришлась по душе Максу, он был не доволен. Отъехав подальше, он начал говорить сам с собой:

–Из Лотарингии он, видите ли?! Спас жизнь, сколько раз я её спасал? И разве она была ко мне так же чутка и вежлива, и нежна, и благодарна, как к этому французу? Да и вообще, какое право он имеет притрагиваться к Елене, она же моя... моя... – он искал слово, отличное от «собственность», потому что знал, что я никогда не буду принадлежать кому-то целиком, – моя невеста! А теперь иди куда-то за водой, когда они там не известно, чем занимаются... А как она смотрела на француза! Неужели она влюбится в него? – вдруг задал он ошеломительный, неожиданный для себя вопрос кому-то, наверное, коню, и тут же на него сам ответил: – Нет, она любит меня всей душой, а может быть, нет? Нужно было определить всё раз и навсегда, чтобы эта женщина не смогла бы от меня никуда деться. Дурак! Но я не могу упустить её, потому что... потому что... она ведь нужна не только мне, но и Афэлле! Я смог соблазнить её один раз, я смогу это повторить ещё раз, но теперь уже при конкуренте. Что ж, посмотрим. В конце концов она любит меня, нас многое свя-

зывает, – так думал Максимилиан, подъезжая к опушке, на которой ранили мою лошадь и француза. Но то, что он увидел, заставило его изменить столь твёрдое убеждение в безграничности моей любви. Он лицезрел целующуюся красивую парочку, в которой для него места не было. Самая первая мысль, возникшая в голове Максимилиана, была, как ни странно: «Научил на свою голову», он имел в виду не только целоваться, но и изменять. Быть может, Елена специально хотела сравнять счёт? Тогда ей это удалось. Максимилиан, потеряв дар речи, а также кастрюлю с водой, которую он нёс от ручья, стоял, глядя на меня и Вэда. Я очнулась первой под его испепеляющим взглядом.

– Максим, я всё объясню, спокойно, да и объяснять-то нечего, – я заговорила на русском, чтобы француз не понял нас.

– Не нужно, я всё понял, я видел достаточно. И что, кто из нас лучше: он, или я?

– Макс!

– Ты устала от меня, да, разлюбила, – продолжал он, – но почему, я не понимаю первый встречный! Почему этот шакал?

– Во-первых, я не твоя собственность...

– Ты моя невеста и будущая жена, будущая мать моих детей. И ты не имела права изменять мне.

– Не невеста и не жена. Не СОБСТВЕННОСТЬ! Я не помню, давно ли мы с тобой помолвились, или когда я дала тебе

своё согласие?

–Все женщины одинаковы!

–То есть мужчинам можно изменять, а женщинам нет? Не ожидала от тебя такого. Никогда не думала, что ты такой же, как Костик, что ты меня считаешь вещью! И как бы сильно я не любила тебя, я забуду всё и уйду.

–Ну и уходи!

–Ну и уйду!

–Иди-иди, только куда? А за доставку домой придется заплатить...собой.

Ответом была пощечина, и, если бы Вэд не стал между нами, я расцарапала бы каждый кусочек его наглого лица. Но, став между нами, Вадим неожиданно поцеловал в губы Макса. Тот от неожиданности чуть не умер на месте. А когда Вэд отпустил его, Макс ещё секунды три приходил в себя, а потом бросился на француза с кулаками:

–Мерзавец! Мало того, что увёл у меня девчонку, так теперь и...

Максимилиан остановился, вероятно, осознав, что говорит на каком-то совершенно незнакомом ему языке. Подумав секунду, он обратился ко мне:

–Что это? Что это я говорю?

–Глупости, как всегда. Ты теперь владеешь языком местного населения. Поцелуй мистера Орлеански даёт такую возможность, – я не успела договорить, потому что он закрыл мой рот губами. Поцелуй был таким долгим, что я даже по-

думала, что задохнусь, но вместе с тем никогда ещё я не чувствовала такого наслаждения. Не выпуская меня из своих объятий, Макс взмолился:– Прости меня! Прости меня, прости, моя девочка, – и он продолжал меня целовать, пока, наконец, я не сдалась.

–Ох уж эти русские, – закатил глаза Вэд.

–Ну и пусть говорит, – сказал Максимилиан, всё ещё не выпуская меня, хотя я уже и не сопротивлялась.

–И всё-таки, макс, признайся, что ты ревновал меня к Вэду?

–Да, милая.

–А ведь обещал этого не делать, помнишь?

–Да, милая.

–Но я не обижаюсь.

–Да милая.

Дождь со всех сторон хлестал целующуюся парочку, но для них он перерастал в блаженство, и лишь раненный Вадим, пытавшийся укрыться в наспех сооруженной палатке, звал их под крышу, угрожая простудой, но и он ничего не значил для тех, кто только что склеил разбивающееся счастье. И кто дорожит им теперь больше, чем жизнью.

–Он ваш муж? – спросил Вадим меня, когда всё-таки насквозь промокшие мы забрались в палатку.

–Нет, но я люблю его.

–Понятно, – он помолчал секунду, а потом вновь заговорил, только на другую тему. – странно. Я давно нахожусь в

горах и почти никогда ещё не видел дождя, такого дождя. Тем более на высоте восьми тысяч футов.

— О чём говорите? — спросил Макс, заходя в палатку. Он привязывал лошадей и лечил ноги Марты. — Боюсь, что надолго мы здесь не задержимся, более того, в уже нескольких милях от нас племя кхамба, а это очень опасно при нынешних обстоятельствах.

— Я так и не понял, почему они преследуют вас, — вмешался Вэд. Макс посмотрел на меня:

— У них личный интерес.

Француз перехватил этот взгляд и, вероятно, всё понял.

— Максимилиан, милый, ты так вымок, — я поправила его волосы и чмокнула в губки, — я пойду собирать вещи. Не протестуй, я так хочу.

Максу ничего не оставалось, кроме как согласиться, но лишь только я вышла из палатки, он схватил Вадима:

— Не смей даже прикасаться к ней. Елена не для тебя, и не пялься на неё так, понял? Я спрашиваю тебя: «Понял?»

— Да, да, осторожней с рукой.

— Мы едем в Лонгдо ещё два дня. Потом всё. Я простил тебе один поцелуй, но не больше. Она моя, моя, понял? — Макс отпустил его.

— Но Елена же не принадлежит тебе, она же даже не жена. И если мне захочется...

— Не захочется. И ещё. Тебе мало моих кулаков в детстве, Вэд, ну так слушай, трус, эта женщина никогда даже не по-

смотрит на такое ничтожество, как ты. Запомни мои слова. А пока что собирайся, выезжаем через 10 минут.

Глава IX. Ради нежности

– До встречи с Джанет оставалось ещё два дня. Но мне казалось, что они длились вечность. Мелкий дождь, не кончающийся ни днём, ни ночью, постепенно переходил в снег, свирепые горные ветры становились всё сильнее по мере нашего продвижения в горы, от них болела голова и холодела душа. Через несколько часов я перестала чувствовать руки и ноги, а потом всё остальное. Казалось, что я примёрзла к седлу коня Максимилиана и только это, а также заботливые руки сидящего сзади мужчины удерживали меня в седле. В какой-то момент я начала осознавать, что лечу по воздуху. Моя душа поднялась над землей, оставила тело и теперь неслась над нашим маленьким караваном. Я видела и свою кобылу Марту, хромящую на одну ногу, но покорно несущую нашу поклажу, и коня мистера Орлеански, названного в честь своего дикого темперамента Ураганом, или просто Ури. И что странно, я знала, что Вадим понимает меня, может со мной разговаривать, а Макс нет.

Временами ясность сознания возвращалась ко мне, душа вновь оставляла простор неба, я начинала бредить, и тогда Максимилиан нежно целовал меня в висок, заставляя очнуться. Но лишь на одно мгновение, потому что потом я опять закрывала глаза и поднималась в небо. Мне хотелось

лететь в просторы безграничной синевы, хотелось свободы и знания, я чувствовала, что там есть счастье, есть блаженство, но что-то не отпускало меня, заставляло, как послушную рабыню, следовать за караваном. Это был Максимилиан, и душа повиновалась ему.

Когда, наконец, лошади остановились (вероятно, Макс, ведший караван, решил сделать перерыв), я вернулась на землю в тело Елены. Надолго ли? Это будет зависеть от них.

Пробуждение было тяжелым и мучительным. Я осознавала, что мы были где-то в лесу и что невдалеке переливающееся красное пятнышко, излучающее тепло, – это костёр, а рядом с ним темноволосый мужчина, готовящий еду, такую соблазнительную, но такую недоступную и ненужную (так казалось)-это Максимилиан. А может быть и нет? Я видела все предметы, будто в тумане. Человек, сидевший у костра, приблизился, вероятно, увидев, что я открыла глаза. Он заставил меня проглотить какую-то очень твердую пищу, вкус которой я не ощущала, и выпить жгучую черную жидкость. После чего сознание мое постепенно начало проясняться, а мысли приходят в порядок. За всё это время мы с Максимилианом не произнесли ни слова. Потом он бережно отодвинул еду, снял с меня почти всю одежду и начал растирать отекавшие ноги и руки, в то же время я чувствовала запах серого порошка, того самого, который втирал в мои виски жрец Чханг, когда заставлял меня войти в транс. Моё тело наполнялось силой, легкостью, я, казалось, оживала вновь. И

тогда Максимилиан начал целовать меня, бесстыдно гладить грудь. Я всё ещё не могла говорить. Он навалился на меня всей тяжестью своего тела, но ни одна мысль во мне не запротестовала, казалось, я опять всё видела будто со стороны. И тут я увидела что-то странное: из леса на Ветре прискакал Максимилиан. Я ещё раз взгляделась в лицо незнакомца рядом и поняла, что это был Вадим. Потом были какие-то слова, упреки, я видела, как Максимилиан сел на коня и ускакал в неизвестном направлении. Единственное, что могла я сделать-это протянуть руку вслед удаляющемуся силуэту-и всё! Голова закружилась, душа опять рванулась ввысь. Такие странные ощущения. Я летала теперь уже по всему небосклону и рвалась ещё выше, в космос, но не могла подняться туда. Я знала, что это костёр, разведенный Вэдом держит меня на земле, что пока он горит, моя душа будет привязана к телу, и я пыталась всеми силами обретенной свободы затушить его. Я вместе с горными ветрами проносилась над робкими лучиками пламени маленького костерка, и он гас, давая мне всё больше свободы, как гасла вера, любовь Максимилиана. Вэд находился в трансе, он тоже пытался вернуть мой дух в тюрьму тела, как и костёр.

Я видела, как умирало пламя, угольки ещё тлели, и лишь крошечные искорки вырывались из них, я радовалась, потому что последняя ниточка, связывающая мою свободу рвалась, последняя соломинка ломалась.

И вдруг я увидела черного коня и Его, убитого горем, Его,

плачущего, и высота, так манившая меня, вдруг потеряла смысл, и огонь моей жизни вновь вспыхнул, чтобы не погаснуть уже никогда. Я открыла глазами сказала лишь одно: «Я тебя люблю», подле чего погрузилась в тягостное состояние физической болезни.

Следующие проблески моего сознания случились только через три дня. И как ни странно подле себя я увидела не Максимилиана, а Джанет. Значит он всё-таки ушёл, не простил меня.

–Сестричка! – радостно вскрикнула Джанет, – ну наконец-то!

Потом я увидела большие сиренево-карие глаза и поняла, что он не бросил меня, он любит меня и всё было уже хорошо.

–Я не...

–Тихо-тихо, – перебил меня Макс, – тебе нельзя говорить. Или хочешь, чтобы я заставил тебя молчать, как раньше?

–Хочу.

Максимилиан поцеловал меня.

–Только завтра обязательно выздоравливай.

–Но...

–Я люблю тебя, не смотря ни на что.

–Вадим?

–Он мне всё рассказал. Главное, что ты жива.

–Амазонки?

–Они дожидались нас несколько дней, потому что кое-кто

умирал почти неделю.

–Но...

–В трансе времени не существует. Но если ты скажешь ещё хоть одно словечко-не обижайся.

Я кивнула и почти сразу же заснула. Не знаю-толи положительные эмоции и любовь и прощение Максимилиана, толи снадобья прощенной Вирнилле так подействовали на меня. Но на следующий день я могла уже ходить. И к обеду мы решили продолжить путь.

–Так что же всё-таки случилось со мной? – спросила я у Джанет, скакавшей на вороном жеребце рядом со мной. Из амазонок только вождь передвигалась на коне, остальные предпочитали идти.

–Вы прошли ещё одно испытание-испытание ревностью. Вэд незаметно подсыпалв твою воду порошок мудрости. Из-за него ты и заболела. Но любовь Максимилиана держала твой дух на земле. Если бы он не смог победить свою ревность, то мы с тобой, Элен, вряд ли бы сейчас разговаривали.

–Но я же изменила ему! Я думала, что рядом со мной находится Макс, а не Вэд.

–Нет, это была лишь галлюцинация. Знаешь, иллюзия. Ослабленный организм быстро подчиняется им. Вэд должен был убедить Максимилиана, что ты ему не верна. Я не думаю, что он позволил себе больше. К тому же Вадим такой вежливый и интересный мужчина, и красивый.

–Джейн, что я слышу?! Ты уже забыла Якушуа?

–Я не забыла свою гордость.

–Но гордость никогда не заменит любви. Макс изменил мне, предал меня, обманул, но я же смогла простить его. А Якушуа был с тобой благороден, честен, ты не можешь его ни в чем упрекнуть! Сколько дней ты знакома с Вэдом? Два? Три? И уже готова покинуть свою первую любовь? А ведь, быть может, Адриан передумает, и что ты тогда будешь делать?

–Елена, знай, я не позволю тебе вмешиваться в мою личную жизнь. Я самостоятельный человек, вождь племени, и уж позволь мне самой решать, как вести себя с мужчинами, которые мне нравятся.

–Дженни, послушай. Когда моя душа покинула тело, я могла видеть всё, даже будущее. И я видела тебя в нём с Адрианом, а не с Вадимом. И вообще не смотря ни на что, я думаю, что Вэд плохой человек, нечестный и коварный, берегись его!

–Ты ревнуешь! А как же вселенская любовь к Максимилиану? Придумала тут какую-то чушь. Перестань меня контролировать, я уже не маленькая девочка.

–Джанет, куда же ты? – крикнула я вслед удаляющейся амазонке. Женщина скакала навстречу своему племени. Оказалось, что они с Максимилианом отбили атаку кхамба, более того забрали всех лошадей и провиант бродяг. Так что теперь наш путь должен был стать значительно комфортнее, и мы вполне могли успеть достигнуть цели.

Высотная поясность не сказывалась теперь на моём здоровье так сильно, но амазонки быстро уставали, а бросить их мы, конечно, не могли. Ведь было же предсказание, что они обязательно должны достичь святого монастыря Лонгдо, чтобы обрести там покой и достичь своего рассвета. Привалы приходилось устраивать каждые пару часов. Джанет мне всё больше не нравилась. Она постоянно старалась держаться рядом с Вэдом во время наших коротких остановок. Я всё чаще замечала странные взгляды, которыми они обменивались между собой. Вадим не щадил ни скромности, ни статуса моей сестры, заставляя даже меня краснеть, замечая пожирающие взгляды француза. Иногда его рука чуть дольше положенного задерживалась на талии Джанет, он как бы невзначай касался её руки, или груди, отчего девушка вспыхивала, но не отвергала это обольщение. Ночью Джанет не было в своей постели, она была с ним, и я ничего не могла с этим поделать, разве что рассказать свои опасения Максу. Он внимательно выслушал меня. Потом обнял и посадил рядом с собой.

—Алёна, я давно хотел рассказать тебе, но не было подходящего случая. Дело в том, что Вадим Орлеански родился, как и я, на Афэлле. Тогда его звали Рафаэлем. Он был приближен к королевской семье—мы росли вместе. Вадим был несносным мальчишкой, трусом и ябедой. Мы с Филиппом часто устраивали переполох во дворце, придумывали разные штуки, нарушали все запреты, и неизменно в самый разгар

веселья вмешивался он. Рафаэль следил за нами, докладывал родителям, срывал наши гениальные планы. Я его ненавидел и в то же время жалел. Его никогда не любили родители, возможно, Вэд просто завидовал нашему счастью. Мы с ним дрались часто, он был никчемным, гадким, вредным человеком. Однако, как говорится: не везет в жизни, повезет в любви. И действительно ему везло на любовном фронте, очень везло. Он завоевывал сердца всех девчонок, которые нравились мне. И вот однажды Вадим обесчестил фрейлину королевы Юоны, которая к тому же была на 5 лет старше его. Вэд отказался жениться на ней и даже дать фамилию ребенку несчастной девушки, так его любившей. Такого на Афэлле никогда ещё не было, поэтому юного любовника (а ему было на тот момент всего 17 лет) решили сослать на Землю. Вот такая вот история. И Джейн в ней- не первая, и не последняя глава. Я знал Вэда и очень ревновал его к тебе. Единственное, чего я не могу понять-зачем он рассказал правду о тебе и испытании.

–Максим, а если бы ты не знал, что это ещё одно испытание, ты бы не простил измену?

–Вообще-то я считаю, что женщина не должна изменять...

–Как Костик...

–В этом все мужчины одинаковы. Но тебя я, наверное, всё-таки простил бы...

–Почему?

–Потому что не могу без тебя жить. Иди ко мне.

Максимилиан притянул меня к себе.

–Неужели у тебя было такое веселое детство?

–А ты сомневаешься? Я ведь нравлюсь тебе, потому что тебе со мной не скучно.

–И не только...

–А почему ещё?

Я поцеловала Максимилиана и уютно устроилась в его объятьях. Засыпая, я думала о том, что Джанет действительно уже взрослая женщина и несправедливо лишать её счастья, такого же, какое было у меня в лице этого притворяющегося спящим сильного мужчины.

Эта ночь была затишьем перед бурей, перед днём Белого Лотоса.

Сверив наше местоположение с картой Мудрого Медведя, Максимилиан решил, что святой монастырь должен находиться в семидесяти-восемидесяти километрах от нашего ночлега. Значит часам к четырем вечера мы достигнем его, всё идет по плану. Солнце уже всходит, пора выезжать. Но где же Джанет? В лагере ни её, ни Вэда нет. Мы отправились на их поиски. Амазонки должны были обыскать северную и восточную часть леса в радиусе пяти километров, а мы с Максом пошли на юг. Сегодня мой спутник был молчалив.

– Что случилось?

–Да так, ничего страшного.

–И всё-таки?..

–Ничего, глупости.

–Макс, ты мне не доверяешь?

–Мне просто приснился плохой сон.

–Какой? Расскажи. Ну пожалуйста.

–Сегодня День Белого Лотоса. Сегодня мы заберем последний символ Зазеркалья, Элен, понимаешь? Сегодня мы откроем проход, освободим моих родных. А что дальше? Я не хочу тебя потерять! Кто знает, быть может, это наш с тобой последний день. Поцелуй меня, обними и никуда не уходи, что бы ни случилось.

Я приблизилась к нему, обвила руками его шею. Ведь он был прав. Что там в будущем? А может ничего? Или Костик? Или опять обычная жизнь? Но может быть...

–Максимилиан, неужели мы с тобой не можем быть вместе из-за того, что родились в разных Вселенных. Ты, я, Джанет со своим избранником (кого бы она ни выбрала, я всё-таки надеюсь, что это будет Якушуа), мы могли бы быть большой дружной семьей...-я не договорила, потому что увидела, что он внезапно сильно побледнел.

–Что такое? Что случилось? Джейн?

–Нет-нет, милая. Её судьба в её руках. Мы бессильны здесь. Посмотрим-посмотрим. А пока давай обсудим легенду. И давай пока не будем возвращаться пока к теме моих снов, я расскажу тебе всё в своё время. Давай проживём свою жизнь так, как хотим, пожалуйста.

Я поняла, что теперь мне у него ничего не выпытать, по-

этому двинулась вперед, давая понять, что всё в порядке.

– Нам нужно в точности исполнить предсказание, оживить легенду, – продолжил он, – в золотом плаще мужчина и женщина спустятся с неба, чтобы забрать сокровище Будды – наш зеленый камень. Там говорится ещё что-то про исчезнувший белый ад, и что, когда они, то есть мы, будут уходить из Лонгдо, наши глаза должны превратиться в алмазы. Что бы это значило?

– Тихо! Ты слышишь?

– Что?

– Этот грохот. Это же водопад.

– Мы подобралась поближе.

– Как красиво.

– И как высоко.

Мы созерцали величественную картину. Огромное ущелье, протянувшееся на много километров, словно бездна, сияло внизу. Снежные шапки резко контрастировали с зеленой низиной. И, конечно же, водопад. Эти немислимые мощнейшие потоки воды с громадной силой разбивались о землю, рассыпаясь в тысячах брызг. Водопад бурлил и пенился. Сейчас осенью горные реки были особенно полноводны, а под струями виднелся небольшой грот = пещера – дочь водопада. Мы стояли неподвижно, и вдруг я заметила отражения в воде. Обнаженные мужчина и женщина, укрывшиеся в гроте, были заняты по-видимому чем-то очень важным и приятным.

–Макс, да это же Джанет с Вэдом.

–Ничего себе. Я представлял, что он донжуан, но не до такой же степени, – проговорил Макс, рассматривая фигуры под водопадом. – А ты учись-учись. Скоро пригодится, – добавил он, обращаясь ко мне.

–Макс, какой же ты всё-таки. Я не смотрю, и всё нормально. А я-то за сестру переживала, на поиски амазонок отправил.

–Лен, а может не будем ждать? И прямо сейчас.

–Что?

–А твоя сестричка ничего, знает толк в любовных утехах, – продолжил он, наблюдая за парочкой. – Если сексуальность – это семейное, то мне тоже можно позавидовать, не правда ли? – он рассмеялся. Но мне было не до смеха. Повернув Марту, я ускакала в лагерь. Через четверть-часа Максимилиан привел любовников. Я смотрела в лицо Джанет и не верила своим глазам. Передо мной стояла не юная девочка, которую я лишь недавно встретила на острове Святой Елены, а взрослая женщина. Да, внешне Джейн похорошела. Она как прекраснейший бутон, распустилась под ласковым солнцем любви, но куда делась ее независимость, огонь в очах, энергичность? Она была во всем покорна Вадиму, она наслаждалась своим тихим счастьем и была готова убить каждого, кто попытается лишить её этого счастья. Но разве можно её в этом упрекнуть? Амазонки не выходят замуж, да и кому в дебрях Тибета нужен какой-то штамп в россий-

ском паспорте? Однако, поговорить с ней надо, хотя бы для того, чтобы рассказать про детство её избранника и предостеречь от возможной измены. Я не могла позволить ей страдать. Выслушав меня, Джанет из спокойной счастливой кошечки превратилась в львицу.

–Ты с самого начала была против него. И каких только историй не выдумывала, но я всё равно люблю его и никому не отдам. Лучше б у меня не было сестры-надзирательницы.

–Джанет, скажи только одно «почему?» – ты же его даже не знаешь. Неужели нужно дарить себя первому попавшемуся. Ради чего?

–Ради нежности. Я женщина, и мне нужно тепло и ласка, как воздух. Ты никогда не была амазонкой, и не знаешь, что значит прожить тридцать лет без мужчин, без любви.

–Джейн, это же не любовь, это нежность! Я не понимаю, почему ты так быстро оставила Якушуа, хотя любила его по-настоящему и так цепляешься за Вэда. Почему ты не хочешь выбирать?

–Я уже выбрала, я буду с Вадимом, не смотря на все твои предрассудки. Я сделала свой выбор, так же, как сделала его ты, полюбив Максимилиана. И честно говоря, не понимаю, если ты сама спишь с мужчиной каждую ночь, почему же мне запрещаешь?

–У нас с Максимом ничего не было.

–Да, а где ты провела прошлую ночь.

–С ним.

–И вы с ним даже не целовались. Брось, я в это не поверю. Давай останемся подругами. Я понимаю, что ты считаешь себя ответственной за меня, но я самостоятельный человек. Позволь мне жить так, как мне хочется.

–Дженни, прости меня.

Я встала и ушла. Лошади были готовы. Солнце встало, и мы отправились в путь. Максимилиан и я шли впереди каравана, а Джанет с Вэдом замыкали его.

–Ну как у тебя дела? – спросила я у Макса, зная, что он разговаривал с Вэдом о том же, что и я с Джейн.

–Плохо. Вадим не любит её ни капельки.

–У меня не лучше. Джанет говорит, что делает это ради нежности, потому что она женщина.

–Я понимаю её. Кстати странно, что такая потребность не возникает у тебя, любовь моя, ато я с радостью.

–Перестань издеваться надо мной. Мало мне ссоры с сестрой, так ещё и ты издеваешься.

–Пардон, моя королева. Одна идейка-оставить всё, как есть. Пусть сами разбираются.

–Полностью согласна. Нас ждут более серьезные задачи.

–Пророчество?

–Пророчество.

Монастырь Лонгдо уже совсем близко: один перевал, ещё часик езды, и мы на месте. Мы остановили лошадей и начали разводить костер. Привал после семи часов езды. Джанет с Вэдом опять пропали, но искать их уже никто не собирался

до тех пор, пока мы явно не услышали дикий крик в чаще леса. Это был крик человека, но кого Джанет, или Вэда?

Обскакав парочку, мы стали свидетелями страшного зрелища. На покрывале лежал окровавленный труп мужчины с копьём амазонки в груди. Джанет же сидела перед ним на коленях, не отрывая взгляда от мертвого лица Вадима. Увидев своё племя, вождь поднялась с гордым взглядом потухших глаз и произнесла:

– По законам нашего племени-предатель должен умереть. Я убила его, защищая честь амазонок. И отдаю себя вам на суд, сестры.

– Да здравствует Великая воительница Джанет, – прогремела толпа женщин, выслушавших признание моей сестры. Потом одна из них- голубоглазая, светловолосая девушка с оливковой кожей Мэрэнд выла вперед и произнесла:

– О, великий Вождь, вы подтвердили своё божественное происхождение. Потому что, если бы злой мужчина остался бы сегодня жив до заката, он был бы убит амазонками, на честь которых он посягнул. Да здравствует, королева Джанет!

Толпа повторила за Мэрэнд последнюю фразу и вернулась к нашему лагерю.

Мы с Максимилианом стояли, как вкопанные, до конца не понимая всего случившегося. Предательство, убийство во имя чести-это было слишком много и сложно. Десять минут назад шутивший Вэд лежит в луже собственной крови. А его

убийца десять минут назад готовая на всё ради него Джанет.

Мои размышления прервал тихий, безнадежный плач сестры. Она вновь встала на колени перед Вэдом, обняла его и заплакала, вложив всю свою душу, всё горе в эти слезы.

—Ну, Джейн. Ну не надо, он был не достоин тебя.

—Он...он сказал, что не любит меня и никогда не любил, а хотел лишь...он сказал, что ты лучше, потому что недоступна.

—Не плачь, сестренка, — я прижала Джанет к своей груди и плакала вместе с ней.

Макс ушёл, понимая, что это наше женское, и ему здесь делать нечего.

—Джейн, он был негодяем, не плачь.

И вдруг она перестала плакать. Не из-за моих слов, а потому что земля вокруг задрожала, затряслась. Тело Вадима поднялось вверх, в воздух, создавая огромный шум и вибрацию.

—Что это? — в ужасе прошептала Джанет.

—Не знаю, но мы в горах на большой высоте. Здесь даже говорить громко нельзя, потому что ужасные лавины сходят почти каждый день. Боюсь, что вибрация такой частоты может вызвать невообразимое стихийное бедствие.

—Как ты говоришь, лавины?

—Некогда объяснять. Скорее бежим в лагерь!

Я схватила сестру за руку и почти насильно утянула за собой.

Мы не видели, как тело Вадима начало вращаться по часовой стрелке в воздухе всё быстрее и быстрее, наконец, превратившись в частички сиреневого света. Вадим принадлежал зазеркалью, и оно его забрало после смерти, при жизни силой воли Вэд сдерживал плен.

Мы не видели, как первые охапки снега падали с горных вершин, как они превращались в огромный снежный шар, с невероятной силой несущийся вниз и обрастающий всё большей и большей снежной массой.

А случилось всё это даже не ради любви, а ради нежности.

Глава X. Святой монастырь Лонгдо

Земля всё время сотрясалась, со всех сторон неслись камни, снежные хлопья, деревья вырывались с корнем. Снег сметал всё на своём пути, и несчастные, южные, дикие женщины, никогда в своей спокойной прежней жизни на острове Святой Елены не видевшие ничего подобного, с ужасом смотрели на лавину и не двигались с места, когда мы с Джанет вернулись в лагерь.

—Где-то нужно укрыться, — кричала я, пытаюсь пересилить грохот, создаваемый лавиной.

—Я видела к востоку пещеру недалеко отсюда.

—Отлично, нужно поскорее отвести туда амазонок. Но где Максимилиан?

Джанет уже не слушала меня. Она старалась спасти свой народ. А между тем Максима нигде не было. Вскоре мне уда-

лось выяснить, что он с Мэрэнд ушел за водой прямо перед тем, как начался весь этот снежный ад. Далеко уйти они не могли, а тем временем лавина неслась на нас. Амазонки бежали на восток, я должна была пойти с ними, но я не могла уйти без него.

–Мэрэнд! Мэрэнд! – закричала я, увидев выходявшую из чащи девушку, – Где Максимилиан?

Она молчала. Я начала трясти её за плечи: – Где он? Где? Отвечай!

– Свята Елена, вы не сможете ему помочь. Пожалуйста, не ходите туда. Сын Юноны не хотел бы вашей смерти. Вы не сможете ему помочь.

Мой гнев перерастал в ярость, лавина приближалась с каждой секундой, а эта женщина лишила меня драгоценного времени.

–Глупая, мне не нужна жизнь без него. Где он? Говори! Иначе я сама задушю тебя до того, как придёт лавина.

–Там, у оврага, – она указала на север, – у оврага.

Не теряя ни секунды, я вскочила на Ветра и помчалась в указанном направлении. Вскоре я увидела огромную столетнюю ель, поваленную вибрацией наземь, а под деревом человека. Макс лежал без сознания, но он не умер, я знала, я чувствовала это.

–Максим, Макс! Не время отдыхать. Что же делать?.. Медальон!

Я прислонила сиреневый диск к виску Максимилиана и

увидела, что он ожил, во всяком случае открыл глаза почти сразу же.

–Господи, Макс, что же делать? Я никогда не смог поднять это огромное дерево. К тому же лавина совсем близко.

–Слушай меня внимательно. Физически ты сможешь сдвинуть ель даже на сантиметр, но попробуй заставить её подняться силой воли.

–Я не умею.

–Лена, ты сможешь, ты должна. Сконцентрируйся, медальон поможет тебе, и представь себе, что Закрой глаза, забудь про лавину. Ты должна переключить все свои мысли на это. Готова.

– Я не знаю.

–Значит готова, и будь уверена в себе.

Я закрыла глаза, услышала странные слова, произносимые Максимилианом, и представила себе ель, поднимающуюся над землей. И вдруг моя душа, словно вновь покинула тело, взметнулась в небо и подняла огромное дерево. Видела, как из-под него вылез Макс, хотя глаза мои были закрыты. Когда же я их открыла, елка опять лежала на земле, рядом стоял Макс, а впереди уже виднелся огромный снежный шар, несущийся на нас с невообразимой скоростью.

–Лена, ты мне доверяешь?

–Что?

–Ты мне доверяешь?

–Да.

–Тогда сделай то же, что и я, только без вопросов.

И Макс рванул меня в сторону от лавины. Пробежав несколько шагов, мы оказались перед пропастью. Впереди была бездна, а сзади белый ад. Мы пропали!

–На счёт «три» прыгаем.

–Но это же самоубийство!

–Три!

И мы прыгнули вместе в ущелье, дна которого даже не было видно. Мне многое пришлось испытать, но я никогда не забуду этот полет, полет жизни. Когда каждое мгновение казалось вечностью. И я была свободна, свободно, будто птица, и счастлива, как солнце, сиявшее над моей головой и заставлявшее сверкать горные вершины. Я никогда не видела мир таким красивым, как в этот момент, может быть, последний в моей жизни. На мгновение солнце погасло, потому что лавина закрыла его свет, проходя через ущелье, а потом за нами потянулась золотая сетка из миллиона мельчайших снежинок, отделившихся от лавины. Это было удивительное зрелище-золотой плащ. Мы приближались к земле. Я закрыла глаза, чтобы не видеть своей кончины, а когда вновь открыла их, то увидела блестящие купола святого монастыря Лонгдо. Почему-то я до сих пор не могу вспомнить его точные очертания, в памяти остался лишь общий силуэт и сверкающие купола. Сам монастырь был сделан в горе, но удивительным образом его крыша отделялась от общего фасада и упиралась в небо. Как и говорил Максимилиан, Лонгдо так

поразил меня своей красотой, что я даже не сразу осознала, что вешу в воздухе.

—Господи, Макс, что же это такое? Неужели мы уже на небесах? Тогда почему мне кажется, что это наша цель-Лонгдо?

—Тихо! Все вопросы потом.

Он взял меня за руку, мы опустились на землю, точнее на алый ковер, и повел меня по нему между рядов монахов, поющих какую-то песню. Они были выстроены в форме звезды и одеты в сиреневые одежды. Кроме того, я заметила, что у каждого монаха был меч. Одно неверное движение, и мы погибли. Но я, словно в трансе, шла рука-об-руку с Максимилианом и вела себя, по-видимому, естественно, раз уж оставалась жива. Вход в храм был закрыт, но почему?

Подойдя к храму, Макс снял с моей шеи медальон и приложил к углублению в двери, как я поняла, в центр звезды. Послышался глухой скрежет, сработал какой-то механизм, и это препятствие пало. Мы прошли внутрь монастыря.

—Лена, ни в коем случае не оглядывайся и не делай лишних движений, иди ровно по прямой линии.

Как только мы переступили порог здания, начали происходить странные вещи. Пол, выложенный черепицей, исчезал после каждого нашего шага, причем, оставалось лишь две линии моих и его шагов. Стены вдруг превратились в зеркала. Миллионы зеркал, отражающих свет-ужас! Они сдвигались. Я продолжала идти, не обращая внимания ни на

что.

– Закрой глаза, – сказал Макс, – и я подчинилась, потому что то и дело мне казалось, что на голову мне падает гигантская золотая люстра с сотней свечек, или что над самой макушкой проносится со свистом меч. Это были иллюзии, галлюцинации. Я видела их даже с закрытыми глазами. Но самое страшное были даже не они, а пенисе монахов-оно было не выносимо-это был толи вой, толи стон горных демонов, толи крики миллионов людей, умирающих ужасной смертью. Это был ад. Но, не смотря ни на что, рука по-настоящему близкого человека сжимала мою ладонь, и я шла за ним хоть на край света. От третьего заветного камня нас отделяли лишь три ступени: первая – из кинжалов, вторая – из огня факелов, третья – из черепов людей.

–Макс, я не смогу это сделать, ты слышишь, не смогу, я боюсь боли.

–Этого нет на самом деле. Боли нет. И не думай о черепах. Я с тобой.

Опять его слова действовали на меня магнетически, заставляя забыть страх. Первая, вторая, третья ступень, яркий зеленый свет – и конец аду!

В этот момент, когда третий последний камень занял своё место на медальоне Юноны, исчезло всё: три зловещие ступени, исчезающий из-под ног пол, сдвигающиеся зеркальные стены. Мы находились в старинном тибетском храме, не имеющей ничего общего недавней камерой пыток.

Убранство монастыря Лонгдо было очень красиво и роскошно, но времени даже для поверхностного изучения уникального интерьера не было, поэтому великолепные гобелены. Барельефы, мозайчатые потолки и все остальные редкостные детали я успела заметить лишь краем глаза. Макс продолжал вести меня к выходу. И вот уже сияющие вершины, свежий воздух и сиреневые монахи вновь предстали передо мной. Я почувствовала облегчение от пройденного испытания и шла уже сама без помощи Максимилиана, гордо смотря на тех, кто склонился в почтительном поклоне перед избранными.

Нечаянно бросив взгляд на склон горы, подсвеченной с другой стороны заходящим солнцем, я увидела неясный силуэт. Он стремительно приближался. Вот уже я могу разглядеть пламенные локоны. Это Джанет! А там, чуть дальше амазонки. Они все живы! Как и мы с Максом. Я улыбнулась и пошла ещё увереннее. До заветной цели, отделяющий демонический монастырь от всего остального нормального мира оставалось ещё около трехсот метров. Я увидела там внизу Якушуа. Он стоял у той самой черты и протягивал руки Джанет. Да! Он понял, осознал, выбрал мою сестру. Значит всё хорошо, значит и они будут счастливы. А рядом идёт Максимилиан, любимый и единственный. А впереди только радость...

Но что это? Мне показалось, что конь Джанет сделал какое-то неверное движение. И вот уже он замедляет свой шаг,

улыбка с лица сестры ещё не сходит, но взгляд становится озабоченным. И вдруг лошадь падает, под действием начинает катиться вниз по склону, увлекая девушку. О нет! Джанет! Этого просто не может быть! Что с ней? Я хочу рвануться к Джанет, или хотя бы выкрикнуть её имя так громко, чтобы сошла ещё одна лавина, но я не могу... потому что железная рука Максимилиана сжимает мою ладонь. Я смотрю испуганно в его глаза, пытаюсь прочесть в них, что это не правда. Но они, как два огромных океана, смотрят на меня твердо: «один неверный шаг, и монахи нас убьют.»

Но там на склоне лежит моя сестра, к ней подбежал Якушуа, быть мот, она мертва, или умирает, ей нужна моя помощь и поддержка. Но что же делать?

И я иду машинально и безнадежно с алмазами слез на щеках и глазах.

А что ещё мне оставалось? Только слезы, как тогда на озере Счастья в стране амазонок.

Пророчество сбылось полностью. Золотой плащ, день Белого Лотоса, алмазы в глазах. Но чего мне это стоило?

Душой и сердцем я была с Джанет. Но теперь, сделав последние шаги и переступив злополучную черту, помчалась, что было сил к ней. Ничто не поможет ей, но быть с ней с последние минуты её жизни, просить прощения, сказать, как сильно я её люблю, как много она значит в моей жизни, как нужна – вот, что было для меня в этот момент важнее всего на свете.

Якушуа держал лицо Джанет в своих руках и шептал как безумный:

–Дженни, Джейн всё будет хорошо. Я люблю тебя, я не могу без тебя. Теперь мы вместе и впереди целый мир, огромный. И целая жизнь. Только не покидай меня, умоляю.

–Значит вот он какая любовь. Лена, я не сказал тебе, после озера Счастья амазонка...не может...полюбить. Она погибает, узнав...что это такое. И я умираю счастливой...Адриан, я люблю тебя.

–Нет, Джейн, только не прощайся. Я тоже люблю тебя, тебя одну. Мы будем счастливы много лет.

–Медведь, не надо, – сказала тихо я, – Джанет, прости нас.

–Там так хорошо, там мама. Прощайте. Я иду.

Джанет говорила бессвязно. Смерть накрыла её лицо невидимой тенью, остановила дыхание, остеклила глаза. В чертах её не было ни страха, ни ужаса. Она умирала всё той же прекрасной девочкой, какой я увидела её впервые на Острове Святой Елены.

–Всё кончено, – сказал Максимилиан. Я плакала у неё на груди.

–Иди сюда, – сказал Максимилиан, протягивая ко мне свои объятия. Обнял и потом долго-долго что-то говорил, говорил, но мои слезы не кончались. Джанет больше нет. Я не могла этого осознать и поверить в эту жестокую реальность.

Якушуа сидел глубоко пораженный такой нелепой смертью, неожиданной утратой возлюбленной. Он молчал. Толь-

ко глубокая горизонтальная полоса на его лбу выдавала глубокое страдание, поселившееся у него внутри.

Я не могу представить, чтобы Максимилиана когда-то не будет рядом, а между тем это время приближается со скоростью света. Третий камень занял своё место на крышке медальона, значит, Остров Святой Елены, потом Зазеркалье, потом, мы, возможно, умрём в войне, но даже если мы останемся живы, Максимилиан вернется на Афэллу, а я живу на Земле. Так должно быть, и так будет. Слишком многое нас разделяет – вселенная.

В теплых объятьях Максимилиана после всех переживаний и потерь сегодняшнего дня я засыпала, но странным был сон, внезапно одолевший меня. Горная дорога, обвивающая коричневые скалы, как серпантин, но не здесь, а где-то ниже, потому что снежные вершины не блестели – на ярком, ясном солнце их не было. Темно-зеленый джип, за рулем которого сидит темноволосый человек лет двадцати. Рядом женщина с огненной копной волос и ребенком на руках. Они счастливы. Но кто они? Черт лица мужчины кажутся мне знакомыми, но это не Максимилиан, не Вадим, это Адриан, то есть Якушуа. Он с женой и маленьким сыном едет в свадебное путешествие, но почему в Гималаи? И вдруг с горных вершин сыплются камни. Я пытаюсь сказать им, что впереди обвал, но не могу. Камни падают уже на машину. Я вижу, как умирает Аделина-супруга Адриана, как мятежный дух его сына поднимается в небо, но самого мужчину защищает

какая-то сила, он остаётся чудом жив. Потом я вижу монахов в сиреневых одеждах, сходящих с неба, они достают из-под камней Адриана, они заставляют его жить, учат магии, делают его хранителем священной библиотеки, потому что он избранный. Я видела также Джанет, как две капли воды похожую на Аделину. Конечно, когда Адриан встретил мою сестру он колебался, был сбит с толку-казалось, его погибшая любовь вернулась, но с другой стороны ему нужно было время, чтобы перебороть свой страх вновь открыться и вновь потерять счастье. Время шло. Якушуа, как бы ни противился своим чувствам, влюбляется в Джанет-в её силу воли, душу, стойкий не сгибаемый характер. Но уже вновь поздно. Они разлучены... Наконец, осознав и приняв тщетность побега от себя, Адриан возвращается в Лонгдо, зная, что пророчество предначертало, что амазонки будут здесь, он полон решимости сражаться за свою любовь.

Потом я вижу сияющие горные вершины, золотой плащ из снежинок и скачущую Джанет. Она упадёт и погибнет именно сейчас, когда счастье решило улыбнуться ей. Я вижу Адриана, который почему-то твердит:

«Просыпайся, любимая.»

Потом чувствую тепло у своих губ и глаз и вдруг действительно просыпаюсь. Лицо Максимилиана было первым, что я увидела, открыв глаза. Мягкие губы заставили меня окончательно очнуться от сна:

–Это был только сон? Или это правда?

–Если тебе приснилось то же, что и мне, то да.

–Значит, Якушуа... Джейн... О Господи!

–Элен, тихо-тихо-тихо. Всё хорошо. Я тебя сейчас ещё раз поцелую, и ты больше не будешь плакать, хорошо? Ей там лучше, пойми же это. Нам ещё столько предстоит и нельзя, совсем нельзя будет вспоминать её смерть.

И он действительно прижался к моим губам, запечатлев на них огненный поцелуй.

И я почувствовала его запах, мужской запах, запах надежности. Я помню, когда мне было лет пятнадцать, и весь мир, как полагается, был против меня, я представляла себе этот запах, этого мужчину. тогда я мечтала только о двух вещах: о нём, и о сестре, которой у меня никогда не было. она появилась сейчас и сразу же исчезла. Джанет, как ты могла бросить меня? Так глупо погибнуть? Но Максимилиан прав, я отпускаю тебя в лучший мир. ты была амазонкой и не могла любить, потому что искупалась в озере счастья, но ты познала любовь, ты выбрала другой путь, и ты ушла счастливой. Это был твой выбор, и я уважаю его. Прощай, сестричка. Я затоплю весь земной шар слезами, но не сейчас-потом. Сейчас я нужна Максимилиану сильной.

–Максим, я люблю тебя.

–Вот и хорошо. Я узнаю свою прежнюю Леночку. Значит уже можно возвращаться на остров Святой Елены, чтобы открыть врата в Зазеркалье. Родители ждут тебя, жаль, что Павел не увидит свою вторую дочь.

Я покраснела, но слезам волю не дала:

–Еще не время.

–Но что тебя здесь держит?

–Они, – я указала на амазонок, столпившихся на поляне недалеко от нашей палатки.

–Сестры, – обратилась я к ним, – вашей королевы больше нет в живых, –я помедлила, – но я верю, что вы достигнете своего рассвета, как сказано в пророчестве в стенах святого монастыря Лонгдо. Мэрэнд, ты будешь управлять племенем. Прощайте, сестры.

–Прощай, Святая Елена-прозвучало в ответ.

Я почти заплакала, услышав это. Но тяжелая рука Максимилиана легла мне на плечо.

–Нам пора.

–Конечно.

Я обняла его и уже не видела сиреневый свет пространства, через которое меня вновь перенес сын королевы Юоны.

Теперь нам не пришлось путешествовать через африканские джунгли, здесь их не было. Мы были в самом храме на настоящем острове Святой Елены.

Максимилиан взял меня за руку и повел вглубь храма. Людей нигде не было, были только комнаты, дышащие удивительной роскошью.

Макс подвел меня к огромному зеркалу в самой последней комнате, взял в свои ладони сиреневый диск медальона

и, не снимая его с моей шеи, приложил к углублению справа от него. Мгновенно окна комнаты исчезли под бархатными шторами, все двери были закрыты, и я перестала видеть всё, кроме зеркала и Максимилиана, потому что мрак опустился и поглотил маленькое пространство комнаты-кельи.

–Помни, ни в коем случае не оглядывайся, – проговорил мой спутник.

Зеркало вдруг стало красным, потом черным, желтым, зеленым, розовым, фиолетовым, оранжевым и, наконец, синим.

–Теперь пора, – сказал тихий голос, увлекая меня вперед, в зеркало. Но я была так очарована светопреобразованием, что даже не поняла смысл его слов, хотя послушно последовала за ним. Чем ближе к громадной сверкающей поверхности мы приближались, тем больше становилось моё беспокойство. Мы не снизили скорость перед зеркалом, мы шли в него, точнее сквозь него! За спиной я услышала, как открылась дверь в комнату-келью, а потом голос Джанет начал звать меня. Она вернулась! О, счастье!

–Элен, сестричка. Я вернулась. Обними же меня. Это же я! Или ты не рада, – в голосе Джанет послышалась обида.

–Нет, Лена, – не оглядывайся, – сказал Максимилиан, – это запрещено.

–Это же Джейн. Она вернулась!

–Нет, она мертва.

Голос сестры продолжал звать меня, но я впала в какое-то

заторможенное состояние, идя за Максимилианом машинально. Вот оно зеркало. Синяя тягучая жидкость будто бурлила. Мне было противно, хотелось отвернуться от него, но я пересилила рефлекс. Вот уже она касается моего тела, поглощает меня. Я ощущаю холод Зазеркалья, но не чувствую руку Максимилиана-своей единственной опоры. Где же он? А он, как и мои родители, и Джанет, родина – там, за моей спиной. Ещё не поздно отступить, но я пообещала Макс, что пройду в Зазеркалье.

Там по ту сторону зеркала послышался грохот и крики моих близких, умоляющих их спасти. А стоило ведь только оглянуться! Но это иллюзия, их нет, нет! Вперед же, только вперед, не смотря ни на что. Последний шаг – и я в Зазеркалье. И рука Максимилиана в моей руке, и всё опять хорошо.

–Мы прошли, не может быть! Ты это сделала, Лена. Знаешь, я никогда не говорил тебе этого, но я люблю тебя!

Он поцеловал меня, а потом опять заговорил.

–Ну надо же Филип с Агнессой не прошли этот путь...

–И я не прошла, – вдруг сказала темноволосая женщина с глазами, как у Максимилиана. Она уже давно сидела на камне в чёрном плаще, – у меня тоже не получилось. Елена, и вы тоже не пройдёте испытания. Да, да, опять испытания...

–Юлиана, значит, ты тоже, – ошарашенно повторил за ней Макс, – Алена, познакомься это моя сестра Юлия.

Максимилиан вышел вперед, как бы защищая меня от неё. Я ещё не понимала почему.

Глава последняя. Место в жизни

И вдруг всё закружилось перед глазами. Я не до конца поняла, что это было. Очевидно, Юлиана неожиданно, сделав поворот на 180 градусов, запустила в меня огромным огненным шаром, сгустком энергии. Причем, Максимилиана шар не коснулся.

Всё поплыло перед глазами и стало нереально большим. По идее моя душа должна была подняться в лучший мир после смертельного удара, но это было что-то другое. Не могу дать четкого описания тому, что произошло. Я видела, как Максимилиан умоляет меня не умирать, но я же была с ним в его руках, и в то же время его сестра могла общаться со мной, тогда как Макс будто не слышал слов, которые я ему говорила.

–Ты права, – заговорила Юлия, – это не душа и не любовь будет проходить испытание, и не другое измерение похитило тебя. Это жизненная энергия, сила воли, только с её помощью можно открыть ворота в мир Зазеркалья. И ты открыла их. Посмотри налево, они уже уходят из плена ... пока уходят. Но стоит тебе сдаться, братская цивилизация перестанет существовать-последний принц не спасет свое королевство, это можешь только ты.

–Но почему ты помогаешь мне?

–Быть может, мое тело и душа подчинились Зазеркалью, но сила духа-никогда! Я буду бороться с призраками всегда.

Посмотри, Филипп, Юнона и все остальные, они тоже здесь. И они верят в тебя. Но помочь тебе и они не смогут. Каждый человек проходит мир иллюзии, правду и себя самостоятельно, идем же. Больше я ничего не могу тебе сказать.

И Юлиана повела меня. Далеко идти не пришлось. Иллюзии захлестнули меня сразу же после первого шага. Они вырвались из-под пола, обрушились на меня с неба, поглотили всё вокруг. Все мои тайные страхи обнажились, все заблуждения замелькали перед глазами, проступки, или ошибки вспомнились с новой силой, казалось, что я схожу с ума. А впереди не было ни одного лучика света. К чему было стремиться?

Я закрыла глаза и попыталась всё проанализировать ... Эврика! Отец ещё в детстве учил меня: «Все иллюзии исчезают, если твердо стремишься к намеченной цели.» Нужна цель. Максимилиан. Отлично! Но как найти к нему дорогу? Ну конечно! Медальон! Я же пообещала никогда не снимать его с шеи, это сила нашей любви.

И стоило мне подумать об этом. Медальон засветился и сиреневый луч, пронзая пространство галлюцинаций, указал мне путь. Есть! Мир иллюзий пройден. Что дальше? Правда, ну это мы пройдем обязательно. – так думала я, торопливо шагая по сиреневому лабиринту. А впереди блестела белая комната и белый старец. Тибетские книги, будущее, зеркало-первые мои ассоциации после взгляда на его идеально белую бородку и костюм, впрочем, довольно современный.

–Здравствуйте, Елена. Вы пришли ко мне за правдой, и я вам скажу лишь три истины. Во-первых, Джанет погибла из-за вас.

–Это не правда.

–Вы забыли, где вы находитесь.

–Это был её выбор. Джанет погибла, ради нежности, ради странной потребности её сердца любить и быть любимой.

–Второе. Вы слабы, потому что любите. Вы бесхарактерны, потому что простили дважды измену дважды (Константину и Максимилиану) и вы, даже вы, не совершенны...

–Я прошла всё это в мире иллюзий, и не боюсь теперь сказать, что, Господи, я грешна и неидеальна, потому что я люблю! И я не боюсь вшей правды.

–И последнее. Младший сын Юоны женат на земной девушке. Он любит вас меньше, чем любите вы его. Так же зачем спасать планету и человека, который предал вас дважды.

Последовало молчание. Я была в комнате правды и не могла не верить старцу. Он убивал меня, лишал последней опоры! Слишком уж многое, произошедшее за последний день, День Белого Лотоса, заставляла меня сдаться. Сдаться?! Произнеся мысленно это слово, я вдруг представила всех этих людей, которые жили одной надеждой на меня, родителей, которые посвятили свою жизнь освобождению Афэллы, Юону, и наконец, его, двуличного и лживого, но всё-таки любимого и единственного, и ничего не нужно было говорить старцу, потому что я победила его, а значит победила

Зазеркалье... Но оставалось ещё кое-что. Стоило мне подумывать о встрече с самой собой, мои мысли, наверное, воплотились в реальность, потому что за спиной я услышала свой голос.

—Да, осталось...

—Кто здесь?

—Только ты... и я.

Неожиданно перед моими глазами возникло моё же лицо. Я не сразу сориентировалась, но всё же поняла, смогла себя убедить, что не сошла с ума, что всё происходящее-ещё одно глупое испытание, а не раздвоение личности. Но на понимание происходящего у меня не было лишь пять секунд, потому что в следующее мгновение моя вторая половинка набросилась на мою первую половину. Я точнее моя жизненная энергия, сопротивлялась яростной женщине в черном. Надо заметить, она была очень красива и сексуальна. Я даже представить не могла, что она-сильная, энергичная, неистовая, уверенная в себе-тоже я, до такой степени яркий макияж и одежда делали её соблазнительной и красивой. Однако, дьяволица не тратила лишних слов, она продолжала нападать на меня. Не думала, что в Зазеркалье, в духовном мире, понадобится физическая сила. Но вот уже я не справлялась её атакам, она начинает душить меня. Господи, помоги мне!

Не поможет, сестричка. Его нет в царстве зеркал, да и зло тебе сильнее добра. Тебя называли «святой», но они не знали меня, не знали пороков избранной.

Мой дневник говорил ещё что-то, но я уже не слышал её, потому что другой, более настойчивый голос твердил мне:

«Борись изнутри. Она всегда была слабее и будет. Сосредоточься.»

Не знаю, был ли Максимилиан, мой отец, или какой-то внутренний голос, но я действительно почувствовала новый прилив сил, это как «второе дыхание», открывающееся после долгого пути. А вместе с тем я поняла, что призрак Зазеркалья душит меня уже не так сильно. Я собрала все свои мысли воедино, сконцентрировалась и исчезла из объятий своей злой стороны и исчезла из объятий своей злой стороны, оказавшись за спиной женщины с любимой палкой в руках. Когда-то я занималась этим, к сожалению, не воспринимая ничего из мифологии и самой науки этого боевого искусства, зато движения были отработаны безупречно, даже через 5 лет навыки не забылись.

Отлично, отлично. А вы, моя добрая близняшка, кое-чему научились, подготовились, только это вам не поможет. Вдумайся только зло – такое совершенное и прекрасное, неужели ты не хочешь узнать его. Даже любовь с ним не сравнится.

Во время своего долгого монолога она подкрадывалась незаметно ко мне, но её слова на секунду не усыпили моей бдительности, поэтому, когда женщина нанесла первый удар, я была готова ответить. Она искусно владела палкой, но ещё искуснее говорила. Её слова погашали мою жизненную энергию, врезались в моё сердце, минуя сознание. Но я

сопротивлялась. Казалось, развязка была близка, и это противостояние не в мою пользу. И опять слова, ставшие уже во второй раз моими спасительными заклинаниями, зазвучали в моей голове: «Борись изнутри, изнутри. Но спасение всегда снаружи. Она слабее.»

Помощь-конечно, хорошо. Но кто бы расшифровал загадочное послание? И вот собрав последние остатки сил, я нанесла ей последний победный удар, тотчас подскочив к девушке и схватив её за руку:

–Черное и белое, говоришь? А я такая, какая я есть, и ты часть меня.

Наши руки несколько раз пронизал сиреневый свет, словно кто-то сшивал две части некогда целого полотна, потом эта же сиреневая вспышка заставила зажмуриться меня, а когда я открыла глаза, то увидела лицо Максимилиана.

–Ты сделала это, Элен! Ты смогла-он говорил очень тихо, но очень тихо, но радостно.

–Мы свободны, все свободны. Смотри сейчас призраки Зазеркалья пойдут вглубь вон того, большого зеркала, а потом оно разобьется на миллионы сверкающих маленьких частичек.

А мой народ направится туда, к воротам, к свободе.

Потом я увидела лицо молодой женщины, лицо Юноны.

–Дитя моё, – сказала она, – я был не права в отношении вас. Никогда бы не подумала, что вы способны на такую силу и любовь, но священные тексты никогда не ошибаются. Спа-

сибо вам от всего моего народа. Однако, всему своё место, и моё место там, на Афэлле-планете мечты.

Да, Юнона права-каждому своё место. Я увидела вдруг Филиппа и Агнессу, они встретились через столько лет разлуки, и их счастье уже не позволит любимым расстаться. Вот только нам с Максимилианом не быть больше вместе. Моё место на Земле. Теперь его жена будет гладить его черные волосы и целовать по утрам нежное, сонное, мужественное и такое любимое мною лицо. А бороться за своё счастье, быть может, у меня не было сил: опять простить ему обман, разрушить счастье и семью другой женщины, да и зачем, ведь Максимилиан не любит меня, чтобы он ни говорил.

Я посмотрела на него, счастливого и оживленного, и только тихо сказала: «Прощай, Максимилиан, любовь моя», превратившись в сиреневый туман в его объятьях и отправившись через вселенную туда, где было моё место, а теперь уже и мои родители.

Стояла та удивительная предосенняя пора, когда всё вокруг: и поля, и трава, и рощи, наполняется загадочным, непостижимым. Но в то же время таким простым и гениальным смыслом, когда природа, как мать, чьи дети уже выросли и покинули родное гнездо, как женщина бальзаковского возраста, познавшая и любовь, и бури жизни, и счастье, отдыхает, наслаждается последними теплыми лучами остывающего солнца, а всё вокруг кажется широким. Огромным и свободным. Я была влюблена в поздний август, в яркие и задумчи-

вые сумерки, в пылающие зори и в звезды, распускающиеся в полночь, как цветы. Вот только последние навевали времена на меня грустные воспоминания, но прошло уже полгода, а они не притупились. Я даже сейчас жалею, что не осталась тогда с Максимилианом, не стала бороться за своё счастье, не выслушала его, в конце концов. Но что было – то прошло, и не беда вовсе. Что в моей жизни не будет больше мужчин, мне хватит всего этого великолепия. К черту их всех!

И я, услышав приближение порыва ветра (всегда чувствовала его). Взметнулась и побежала вперед по лугу навстречу счастью... И ветер безжалостно, но нежно трепал мои волосы, и рассыпал их по плечам, и гладил их, как когда-то делал это мой любимый мужчина. Ей богу, будь у меня второй шанс, я бы не остановила бы его сейчас, если бы он попытался снять с меня одежду, потому что у меня бы осталась по крайней мере что-то от него, а ещё лучше сын, его сын, и какая разница с мужем, или без.

Внезапный порыв ветра вновь коснулся моих волос, но этот раз он был какой-то особенно тёплый.

От неожиданности я резко обернулась и увидела его, но не осмелилась поверить своим глазам. Быть может, это мираж, или плод моего воображения? Я зажмурилась, но, открыв глаза, удостоверилась, что видение не исчезло.

–Максимилиан?

–Тебя привести в себя как всегда?

Но ответа он не получил, потому что я не могла постичь,

зачем он прилетел, чтобы опять мучать меня? И он ли это? Тем временем призрак, промурчав, что-то себе под нос типа: «Ну как хочешь»-прижался к моим губам своими. Почувствовав вкус его поцелуя и опьяняющую нежность, даже слабость я поняла, что это именно он. И вдруг я осознала, что не видела его полгода, и было совсем не важно, что у него есть жена. Я потеряла голову в его руках. Так странно: искорки вначале теплом обдали затылок, все закружилось перед глазами, страсть захлестнула с головой, луг поглотил нас, словно в мире больше ничего не существовало, а над головой шумели травы и летали птицы. Этот мир принадлежал только нам двоим.

Когда счастливый сон уступил место реальности, а я, открыв глаза, увидела рядом спящего мужчину, я не могла поверить, что сделала это. Ведь наверняка Максимилиан вернулся именно за этим, за тем, что он не успел сделать во время нашего путешествия. И я позволила, даже больше-я настояла...

Выбравшись из его объятий, глазами отыскала своё платье, натянула его, ещё раз посмотрев на Макса. Что же теперь можно исправить? Сейчас он очнётся и вновь улетит в свой мир, на планету, где он принц, женатый принц, и где мне нет места. А так хотелось...

Я почувствовала, как холодное, безнадежное отчаяние пронизывает меня, и сама не заметила слезы на своих щеках. Я плакала, но не так, как на острове амазонок: тогда я ещё

могла на что-то надеяться, чему-то верить. Теперь мои слезы были беззвучны, безнадежны.

Чьи-то руки коснулись моих плеч. Ах, ну конечно, чьи же ещё, если не его?

–Всё, всё, не надо, девочка моя, ну не плачь, пожалуйста. Всё хорошо, я с тобой

Я почувствовала, как холодное, безнадежное отчаяние пронизывает меня, и сама не заметила маленьких алмазов слез на глазах. Я плакала, но не так, как на острове амазонок-тогда я ещё могла на что-то надеяться, чему-то верить, мои слезы были беззвучны, безнадежны.

Чьи-то руки коснулись моих плеч, ах, впрочем, чьи же это руки, если не его?

–Всё-всё, не надо, девочка моя не плачь, ну пожалуйста. всё хорошо, я с тобой. Так всегда бывает после первого раза...

Я ощутила, что он опять срывает с моих плеч платье, я посмотрела в его глаза таким взглядом, что у него даже сердце похолодало:

–Опять?

–Нет, нет. Всё будет хорошо.

Но мне было уже все равно: отчаяние, поднимающееся с самых потайных уголков моей души, вдруг захлестнуло меня с головой, скромности, он знал, что я не смогу ему отказать. Но как же я допустила такое падение? Ведь он не любит меня ни капельки раз уж так поступает.

Мои глаза были затуманены слезами, мысли были где-то далеко, я даже не понимала, зачем Максимилиан натягивает на меня какие-то одежды, заплетает волосы, не заметила скачка в пространстве.

Сознание вернулось ко мне в самый неожиданный момент. Я опять находилась в храме, только на этот раз не в буддистском, а в православном с белыми стенами, иконами перед алтарем. Рядом стоял Максимилиан в черном фраке. Выглядел он, конечно, потрясающе: строгий костюм очень подходил к его грациозной фигуре и черным локонам. Мой взгляд нечаянно упал назад. И как бы трудно ни было в это поверить, но за спиной я увидела Джанет в элегантном зеленом платье и шляпке, её кавалером был Якушуа. Но не успела я подумать, что это сон кто-то серьезным голосом обратился ко мне.

—Согласны ли вы, Елена Воронцова, взять в мужья Максимилиана Буцентиорри, заботиться о нём в радости и горе, в богатстве и бедности, пока смерть не разлучит вас?

—Она согласна, — уверенно ответил Максим.

—Но я не могу, Максим, ты же женат много лет на...

—На тебе, — он стал говорить тише, чтобы никто не услышал.

—Что?

—Земная девушка-это ты. Павел Воронцов выдал замуж свою дочь в пятилетнем возрасте за меня, только по законам Афэллы, а так как ты уже давала согласие на брак, я поду-

мал-почему бы не устроить тебе роскошную свадьбу?

–Я тебе не верю!

–Так вы согласны выйти замуж за Максимилиана Буцен-тиорри?– вмешался священник.

–Лена, ну пожалуйста, – сказал Макс,– я не могу жить без тебя.

Я посмотрела в его удивительные сиренево-карие глаза и просто сказала:

–Да.

–Объявляю Вас мужем и женой. Жених может поцеловать невесту.

Максимилиан, быть может, поступил неправильно, но, услышав эти слова, он обхватил мою талию, ловко подняв на руки, и закружил прямо в церкви на глазах у огромного количества людей, поднял фату и поцеловал в раскрасневшееся от смущения лицо.

–Вот это действительно вселенская любовь, – проговорил удивленный священник, – только больше в церкви не ведите себя так вольно, горячая молодежь.

Священник был прав, но я не могла поверить своему счастью. Поставив свои росписи во всех бумагах в ЗАГСе города Санкт-Петербурга, я, наконец, смогла обнять сестру и родителей. Кстати только железные доводы последних заставили поверить меня, что я законно вышла замуж. Отец рассказал историю моего другого замужества, на Афэлле, когда в пять лет, чтобы предотвратить полное, или окончательное

разделение родственных цивилизаций, он и Королева Юона поженили своих детей. Максимилиану тогда было двенадцать, он страшно гордился, что спас свою цивилизацию, вообразил себя самым благородным принцем во Вселенной, он-то, конечно, запомнил этот эпизод, но как я могла догадаться о том, что произошло, когда я была ещё почти ничего не смыслящим ребенком. Поэтому никогда не видела своего суженного, ведь я уже была замужем.

–Макс, а если бы я вышла за Костика?

–Никогда!

–Почему?

–Потому что тебе место в жизни рядом со мной. Теперь уж ты точно моя и не уйдёшь ко всяким Вадимам.¹

–Кстати, а Джейн? Она же умерла.

–Любимая, неужели ты думаешь, что за полгода твой гениальный муж не найдёт способа вызволить твою сестричку из чистилища, ведь душа Джанет не успела даже перейти в другое тело. Тем более мне помогал Якушуа. В сочетании с моей гениальностью и его магией желание Джанет жить в её бывшем теле смогло воплотиться в реальность.

–Максимилиан, знаешь что?

–Что?

–Я люблю тебя.

–Я тебя тоже очень-очень люблю. И ещё...

–Что?

–Ты не поблагодарила меня за свадебное платье, тебе по-

правилось?

–Так значит там в степи ты его надевал на меня...

–Да и выбирал тоже. Кстати я никогда не думал, что моя женушка такая пылкая. Ни с кем мне не было так хорошо.

–Так значит ты изменял мне?

–Ну мне же надо было тренироваться.

–Ах, ты!!! Всё! Развод.

–Ну не сердись пожалуйста. Да и потом если на Земле ты и разведешься, в чем я глубоко сомневаюсь, то на Афэлле – никогда. иначе вселенная разрушится, будет апокалипсис. Так что долгие-долгие годы тебе придется выносить меня, ублажать все мои желания и выслушивать шуточки.

–Ладно так и быть... Макс, а если серьезно, неужели ты не мог мне доставить удовольствие близости после свадьбы? Как положено.

–Ты не дала мне даже слова сказать. И потом, какая разница, мы любим друг друга, мы женаты, мы совершеннолетние и будем вместе всегда. Он поцеловал меня, а потом, а потом опять дерзко и весело, счастливо произнёс.

–Элен, попрощайся с родителями и Джанет (кстати она вышла замуж ещё на Афэлле, жаль, что тебя не было), нам пора в свадебное путешествие.

–Да, куда?

–Какая разница. Я хочу показать тебе всю Вселенную, которую ты спасла: зеленые просторы Нептуна, фиолетовые спутники Сириуса, чарующие звезды Кассиопеи, я хочу рас-

сказать тебе всю свою жизнь и отдать тебе место, которое ты, как самая большая загадка, занимала всегда в ней. Я ведь вначале хотел разгадать тебя, а потом сообщить о том, что ты моя, хотел вначале полюбить тебя, заботиться о тебе и защищать. Так пойдем же туда, навстречу будущему и приключениям, навстречу счастью.

И мгновенно исчезло моё белоснежное свадебное платье, я оказалась в уже известном сиреновом пеньюаре, Максимилиан в белой рубашке и брюках, молкнул свет пространства. За нашей спиной оставались догорать пламенеющие августовские зори, пахнуть росистые цветы и спелые яблоки, петь птицы и любить люди.